

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

ВЫСШАЯ

ОН СМОТРЕЛ НА СЦЕНУ, РАЗВОРАЧИВАЮЩУЮСЯ

ПЕРЕД НИМ. ЭПИЗОД ИЗ ФИЛЬМА УЖАСОВ.

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

«ХВАТИТ, ДОСТАТОЧНО. ПОСМОТРИ НА МЕНЯ. ОН МЕРТВ».

ПРИМАНКА ДЛЯ МОЕГО УБИЙЦЫ

«ЭТО ИСТОРИЯ
САРЫ БЕЙКЕР —
ЕДИНСТВЕННОЙ ВЫЖИВШЕЙ
ИЗ ЖЕРТВ
БЕЗЖАЛОСТНОГО
УБИЙЦЫ
С УОЛТ-ЛЕЙК».

Высшая лига детектива

Лорет Энн Уайт

Приманка для моего убийцы

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уайт Л.

Приманка для моего убийцы / Л. Уайт — «Эксмо»,
2015 — (Высшая лига детектива)

ISBN 978-5-04-092964-1

Это история Сары Бейкер – единственной выжившей из жертв безжалостного убийцы с Уолт-Лейк. Сара провела в плену у Себастьяна не один месяц, прежде чем ей удалось сбежать. Однако ни новое имя, ни переезд на отдаленное ранчо не помогли ей скрыться от преследователя. Спустя несколько лет она получает от него недвусмысленное, весьма кровавое предупреждение. Себастьян одержим Сарой, и он совсем близко. Постояльцев ранчо – по пальцам пересчитать. Кто-то из них в сговоре с убийцей? Этого не может быть. Но Сара никак не может избавиться от мысли, что, по официальным данным, Себастьян погиб в тюрьме. Неужели кто-то другой объявил охоту на его любимую жертву?

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-092964-1

© Уайт Л., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лорет Энн Уайт

Приманка для моего убийцы

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Посвящается Тому и Дженифер Коул.
Благодарю вас за то, что вы щедро поделились с нами кусочком
рая.*

Глава 1

Среда.

Пять дней до Дня благодарения.

В библиотеке стояла тишина. Только четыре часа пополудни, а на улице уже стемнело. Низкие облака и мелкий дождь с северо-запада Тихого океана окутали город, поток машин как будто расплывался за залитыми дождем окнами.

Он пересек границу с Канадой в пункте пропуска Пис-Арч около полудня, воспользовавшись картой NEXUS¹.

И вот теперь он сидел у компьютера в глубине длинного зала, низко надвинув на лоб козырек бейсболки. Его одежда была намеренно неброской: джинсовый костюм, рабочие ботинки. Он выбрал Ист-Энд, потому что это было место синих воротничков и безработных бродяг, людей с улиц, бездомных, тех, кто провалился в трещины общества. С таким пейзажем он мог слиться без всяких усилий, как самец оленя сливается с сухими зарослями.

Он открыл свою страницу в социальной сети и искал новые посты.

Ничего свежего. Или, по крайней мере, того, что интересовало его.

Он кликнул на другую страницу, потом еще на одну. Ответов на посты, которые он оставил два дня назад в Портленде, по-прежнему не было. Перед выходом с каждой страницы он набирал вот такое сообщение:

«Ищу биологических родителей. Мне одиннадцать лет. Я родилась 17 июля в Уотт-Лейк, Британская Колумбия...»

Для своего профиля в соцсетях он загрузил фотографию темноволосой девочки, которую скопировал в «Фейсбуке» какой-то мамыши. Найденный снимок он использовал для всех сайтов, на которых приемные дети искали своих биологических родителей. Месяцем раньше его выпустили из тюрьмы в Аризоне, и весь месяц он постоянно посещал эти сайты.

Он освоил компьютер, пока отбывал наказание за непреднамеренное убийство. От сокамерника он узнал, насколько распространенными стали и такой поиск, и страницы воссоединения в соцсетях. В заключении у него не было доступа в Интернет, но сразу после выхода на свободу он немедленно начал искать во Всемирной паутине Сару Бейкер. За последние восемь лет он не обнаружил ни одного упоминания о ней. Да, были женщины с таким именем и фамилией, но ни следа той Сары, которая была нужна ему. Бесконечные газетные статьи, репортажи о ней – все как будто резко прекратилось восемь лет назад, как будто ее стерли с грифельной доски.

Как будто Сара Бейкер просто перестала существовать.

Или она изменила имя и внешность, пытаясь спрятаться.

И вот тогда он начал проверять сайты усыновления.

На этих страницах со свободным доступом приемные дети всех возрастов и родители детей, отданных на усыновление, искали и находили биологических родственников. Он прочел комментарии экспертов, которые утверждали, что, хотя этот новый феномен делал семьи более прозрачными, он же породил новые проблемы. Появились ловушки, с которыми уполномоченные структуры пока еще не научились справляться.

Для него это был сладкий сон охотника.

При каждом удобном случае по дороге к границе он заходил в библиотеки и интернет-кафе. Оставлял посты. Расставлял приманки, словно хрупких сухих мух на поверхности киберпрудов и водоворотов, где его добыча могла скрываться в тени, держась против течения. Он пребывал в ожидании.

¹ Программа для часто путешествующих и надежных граждан США и Канады (прим. переводчика).

В поисках... Он застыл. Строчка привлекла его внимание.

«Мать ищет одиннадцатилетнюю дочь».

Он мгновенно кликнул на эту строчку. Не то... Другая дата рождения. Другая внешность. Он потерял усы: краска для волос вызвала раздражение на коже. Все это было игрой наугад. Возможно, она уже воссоединилась с ребенком. Или ничего не хотела знать о нем. Может быть, она замужем и счастлива, научилась жить дальше. Или умерла.

Но охотник, хороший охотник умеет ждать. Он верил своему чутью и всегда знал привычки добычи, понимал ее. Этакий двусторонний психологический профайлинг. И еще он знал Сару Бейкер.

Он владел Сарой Бейкер.

Он девять месяцев изучал ее перед тем, как поймать в ловушку.

Еще пять с половиной месяцев она полностью принадлежала ему. Пока он из-за своего высокомерия не рискнул. Глупейшая ошибка.

Неожиданно в его мозгу, словно дым, всплыли слова из детства:

«Если ты решил выстрелить при угасающем свете, то ты должен быть уверен в том, что наверняка убьешь. Иначе тебе придется преследовать раненое животное в темноте. Одному. Ты закончишь эту работу, несмотря ни на что, несмотря на то количество дней или ночей, которые для этого потребуются, и не важно, насколько ты голоден или устал. Ты понял меня, парень?»

Той весной он слишком растянул удовольствие от охоты. Он дождался, когда совсем стемнеет, и только тогда выстрелил. Он промахнулся. Она выстрелила в ответ и ранила его. А потом скрылась в темном лесу.

Но он спинным мозгом чувствовал, что, зализав раны, Сара Бейкер начнет поиски. Если уже не начала. Материнство – мощная приманка. А сострадание, любопытство, открытость – это все слабости Сары. Они-то и привели ее тогда в его западню.

Он открыл другую страницу. Еще больше сообщений. Разных. Матери, отцы, тети, братья, кузены, дети – все искали своих потерянных родственников. Кто-то вел поиски от лица других людей. Кто-то искал сам. Его по-настоящему ошеломило это глубоко заложенное в людях желание обрести семью, принадлежать клану, идентифицировать себя. Корни. Дом. Чтобы быть нужными, желанными, чтобы понять, почему другой человек предпочел избавиться от них, когда они были детьми.

Он уже собрался было закрыть последнюю страницу, когда вдруг пришел ответ на его последний пост.

У него замерло сердце.

«Родила дочь в городской больнице Уотт-Лейк. Следующим летом ей должно исполниться двенадцать. Темные волосы, зеленые глаза. На ноге, под левым коленом, – маленькая родинка в форме сердца. Может быть, это ты?»

Ответ пришел от пользователя под ником FisherGirl. Он быстро просмотрел профиль FisherGirl. Фото не было. Только изображение форели, бьющейся на крючке. Брызги сверкают на солнце. Никакого открытого доступа к ее ленте новостей или другой информации. Но она была онлайн, живая. Он почувствовал, как натянулась его леска, кто-то схватил крючок.

«Черт побери...»

Это похоже. Это точно похоже. Он впервые увидел Сару Бейкер за прилавком магазина спортивных товаров в Уотт-Лейк. Магазин принадлежал семье ее мужа. Сара была опытным рыболовом и охотником, способным преследовать и животное, и человека. Именно ее умение выживать в дикой природе по-настоящему возбудило его. После всех остальных он хотел встретиться с достойным соперником. Хотел повысить ставку, усилить возбуждение. Он получил желаемое и кое-что еще.

«*Gamos*»², – прошептал он про себя. Мать однажды сказала ему, что древние греки использовали это слово, которое обозначало не только игру, но и совокупление охотника и добычи. И да, именно этого он и хотел во время охоты – отношений, эмоциональной связи со своей добычей. Неразделимый союз.

«И это игра только в том случае, когда обе стороны знают, что они играют...»

Всплеск адреналина разогрел кровь, его член ожил, уперся в ширинку, отозвался легкой пульсирующей болью.

«Успокойся. Дыши. Не дергай леску. Не торопись. Это не дикий, прыгающий лосось. Это форель. Изящная, ускользающая бойцовая рыбка из холодных вод. Она питается рыбой, настоящая хищница, но ты же хочешь, чтобы она уплыла, глубоко нырнула, думая, что все еще свободна...»

Он почти почувствовал виртуальную леску спиннинга, мокрую, скользкую в его пальцах, услышал жужжание катушки. Связь была установлена. Начался диалог между ним и чем-то диким. Это что-то могло стать его, если он верно сыграет.

Он напечатал:

«Да! У меня темные волосы, и зеленые глаза, и маленькая родинка под левым коленом...»

Он ждал. Тишина в библиотеке как будто разбухла и закрыла ему уши. Какой-то мужчина кашлянул. Где-то в заливе Беррард, задушенном туманом, простонала сирена.

И вдруг:

*«Могла бы ты написать мне на почту **FisherGirl@gmail.com**?»*

У него пересохло во рту. Он быстро открыл свой анонимный почтовый ящик и выстрелил сообщением:

«Как я узнаю, что ты моя мать? Можешь прислать мне фото? Ты по-прежнему живешь в Уотт-Лейк? Как тебя зовут? Почему ты отдала ребенка? Кто был отцом? Мне так хочется все узнать».

Ответ пришел практически мгновенно:

«По не зависящим от меня обстоятельствам, мне пришлось отдать дочку на закрытое, тайное удочерение, устроенное через агента. Я не знаю, в какую семью попала моя дочь, и мне хотелось бы узнать, как она живет. Теперь меня зовут Оливия Уэст. Я работаю управляющим и инструктором по рыбалке на ранчо Броукен-Бар в Карибу. Ниже ссылка на сайт ранчо. В разделе «Персонал» ты найдешь мое фото. А твои приемные родители знают, что ты ищешь своих биологических родителей?»

Он торопливо кликнул на ссылку, указанную в письме.

Главная страница сайта ранчо Броукен-Бар заполнила экран. Он открыл раздел «О нас». Появились фото служащих.

Он быстро прокрутил их, остановился на одном снимке. Увеличил его. Сердце гулко билось. Перехватило дыхание.

«Это она».

Ни малейших сомнений.

Проклятье. У него закружилась голова, он почти ослеп от сумасшедшего выброса чистого, сладостного, горячего адреналина. Попытался сглотнуть. Да, она изменилась. Повзрослела. Черты лица стали тоньше, подбородок слегка заострился, во взгляде появилось больше холода, из него почти исчезло прежнее простодушие. Но он безошибочно узнал ее густые каштановые волосы, овальное лицо. Пухлые губы. Широко расставленные глаза цвета лесного мха. Кожу начало покалывать от жара.

Он легко коснулся пальцами экрана. Сара Бейкер. Его раненая олениха. Теперь она называет себя Оливией Уэст. Он мысленно опробовал это имя на языке. *Оливия...*

² Брак, супружество (*греч.*).

– Прошу прощения!

Он едва не выскочил из штанов. Взгляд метнулся к помехе. Молодая женщина. Большие голубые глаза.

– Вы еще долго будете работать за этим компьютером? – спросила она. – Я его заранее резервировала.

Он не отвел взгляд. Его сердце колотилось словно безумное. Он медленно изогнул губы в улыбке.

– Я только закрою программу, и все, договорились?

Легкий румянец залил шею женщины, поднялся к щекам. И в эту секунду он понял: хотя он тоже изменился и тюрьма состарила его, иссушила, избородила его лицо морщинами, это осталось при нем. Обволакивающий голос. Способность очаровывать, зажигать приманку соблазна в глазах.

– Не беспокойтесь, – ответила женщина. – Спасибо. Я... я там подожду.

Она села в кресло недалеко от него. Он ощущал ее присутствие, чувствовал возможности. Но теперь у него была цель. План уже формировался.

Повернув плечо так, чтобы молодая женщина не видела экран, он открыл страницу с адресом и расписанием, потом записал на листке бумаги маршрут. Ранчо находилось в пяти-шести часах езды к северу, на самом верху внутреннего плато. Если верить указанным данным, ранчо Броукен-Бар заканчивало работу после канадского Дня благодарения и закрывалось на зиму. Времени у него оставалось немного. Уже совсем скоро в Карибу придут первые снегопады и морозы, и он не знал, останется ли Оливия Уэст на ранчо.

Он вдруг осознал иронию, наивысшее совершенство выбранного момента. Как будто знак. Именно в это время года, почти день в день, он забрал ее двенадцать лет назад. Это было воскресенье перед Днем благодарения, вторая половина дня, как раз перед первым снегопадом. Как медведь, которому не терпится залечь в спячку, он всегда предчувствовал первый снегопад. Он слышал его приближение в шепоте деревьев, видел в том, как рассеивается свет, ощущал его металлический привкус в порывах ветра. И знал, как знали это медведи, отправлявшиеся в берлогу, что если он тронется в путь накануне первой снежной бури, то выпавший снег, словно одеяло, скроет его следы. Остаток зимы он будет в безопасности, никто не сможет проследить путь до его убежища.

Он перечитал письмо Оливии, начал печатать ответ, потом замешкался, глядя на мигающий курсор. Продолжать дальше? Нет. Он получил то, что искал. Незачем вызывать у нее подозрения. Пусть она думает, что «ребенок» испугался и не стал отвечать.

Он закрыл свои аккаунты и страницы сайтов, очистил кэш и оставил компьютер ожидающей женщине. Засунув листок бумаги с адресом ранчо во внутренний карман, он поднял воротник джинсовой куртки, распахнул дверь библиотеки и вышел в холодную туманную морось на Гастингс-стрит. Нагнув голову, сунув руки в карманы, он слился с толпой жителей, вышедших из зданий после рабочего дня и спешащих попасть домой.

Свежая цель сделала его походку быстрой, он шел до своего грузовика и дома-прицепа, припаркованных в двух кварталах от библиотеки. Пора ехать домой. Прodelать весь этот путь и закончить наконец охоту. После стольких лет в крошечной тюремной камере он снова ощущал на языке дикий вкус свободы. Впереди его ждали горы и леса, прохладный чистый воздух.

Неожиданно в мозгу всплыло воспоминание, уводя его в прошлое.

Ему одиннадцать лет, он вымотан после охоты и сидит на коленях у матери. Она гладит его по волосам, длинным и непокорным. Ее окружают вездесущие книги. Отец сидит по другую сторону от потрескивающего огня, курит трубку и смотрит на них обоим тяжелым взглядом сужившихся глаз. Голос матери wpłyвает в его сознание...

«Человек отличается от животных, милый мой Юджин. Для человека охота – это не всегда вопрос выживания. Зачастую это чистый восторг от погони, для большинства это

приманка. Все дело в ощущении – уникальном сочетании предвкушения, внимания и физического напряжения...» Рука матери медленно опускается по его телу до бедра, голос падает до теплого шепота-дыхания возле уха... «Охота может быть опьяняющей. Восхитительной...» Ее пальцы поглаживают внутреннюю поверхность его бедра, и маленький пенис Юджина начинает оживать.

Отец фыркает, вскакивает с кресла и тычет трубкой в сторону жены. «Прекрати нести этот бред, а? Он упустил долбаное животное. И в этом нет ничего возбуждающего!» Свирепый взгляд отца упирается в сына...

«Это твой долг, парень, твой проклятый долг – найти раненного в брюхо оленя. И ты не должен останавливаться, слышишь... Ты, черт побери, не прекращаешь преследование, пока не убьешь добычу, которую ты ранил. Ты делаешь ее своей. Ты становишься ее владельцем. И ты больше никогда непустишь добычу, слышишь? Если не можешь попасть в цель, ты не нажимаешь в сумерках на спусковой крючок».

Взревела сирена, снова вернув мысли Юджина в настоящее. Туман, поднимавшийся от серых вод залива Беррард, закручивался в толстые, рваные полосы и полз вдоль кирпичных и мощеных улиц старого квартала. Юджин плотнее закутался в куртку.

«Твой проклятый долг, слышишь...»

Добить жертву.

* * *

Кровь зашумела в ушах Гейджа Бертона, смотревшего на экран компьютера в ожидании ответа.

Неужели это правда? После всех этих лет он попал в цель?

Проходили секунды, секунды складывались в минуты.

Больше ничего.

Но он почувствовал это. Леску дернули, а потом добыча сорвалась. Больше ни одного ответа на его письмо.

Он снова напечатал трясущимися руками:

«Если тебе интересно дальнейшее общение, пожалуйста, напиши мне на электронную почту. Никаких обязательств. Мне нужно только знать, что мой ребенок нашел теплый и любящий дом».

Он кликнул на «Отправить». Подождал. Снова шли минуты.

Ничего.

Над верхней губой выступил пот, и Гейдж провел ладонью по лысеющей голове. Он посмотрел на бумаги, разбросанные на письменном столе: вырезки из разных номеров газеты «Уотт-Лейк Газетт» со статьями о событиях двенадцатилетней давности. Старые снимки с места преступления с изображением эксгумированных останков и оскверненных тел. Гниющие черепа. Отсутствующие языки. Пустые глазницы. Были там и снимки стальных крюков для мяса, на которые убийца из Уотт-Лейк подвешивал тела, потрошил их, сдирал кожу со своих жертв и выпускал из них кровь, словно это были убитые олени. Фотографии этой кладовой, где он свеживал женщин, и холодильника, работавшего от генератора, внушали непередаваемый ужас. Были там и фото хибары рядом с сараем, где он держал своих жертв привязанными, насиловал их и кормил в течение всей зимы, чтобы весной выпустить и устроить на них охоту.

Гейдж придвинул ближе фотографию последней жертвы убийцы из Уотт-Лейк.

Сара Джейн Бейкер.

В то время ей было двадцать пять лет. Молодая жена Этана Бейкера, дочь известного в городе пастора Джима Ванлорна. Сару Бейкер похитили, как и всех остальных, перед первой

снежной бурей. Как и все остальные, она просидела зиму на цепи в хибаре. А потом, когда прилетели гуси, маньяк дал ей оружие и выпустил в лес.

«Потому что ни одна охота не сравнится с охотой на вооруженного человека...»

Эти слова, как позже во время бесед в полиции рассказала Сара, убийца шептал ей на ухо. Он цитировал ей слова из романов Торо, Хемингуэя, Блэквуда.

Начитанный парень.

В отличие от Себастьяна Джорджа, которого поймали, обвинили и осудили за все эти убийства.

Несмотря на все улики, Гейдж не мог поверить, что они закрыли того самого парня. И с тех пор в свободное время, по ночам, он охотился на убийцу из Уотт-Лейк. Тайная одержимость. Потому что он поклялся много лет назад. Поклялся осуществить правосудие.

С тех пор он собирал сведения о Саре Бейкер. Гейдж верил в то, что настоящий убийца из Уотт-Лейк однажды вернется за ней.

Он с шумом выдохнул воздух. Ответа на его письмо по-прежнему не было. Гейдж открыл еще несколько аккаунтов, которые создал, и проверил, нет ли реакции на его свежие посты.

Пусто.

Он прижал руку к губам, сомнения и страх переплетались с мрачным возбуждением. Гейдж *чувствовал* его там, с другой стороны компьютера. Убийца слушал и ждал.

Дверь неожиданно распахнулась.

– Папа?

Он вздрогнул. Адреналин зашкаливал. Гейдж выругался, вскочил и начал торопливо сгребать вырезки из газет, снимки с места преступления, записи.

– Черт побери, Тори. Стучаться надо! Сколько раз я тебе говорил?

Взгляд его дочери метнулся к бумагам, которые он крепко держал в руках, потом к компьютеру и наконец остановился на лице Гейджа.

– Чем ты занят?

– Что тебе нужно, Тори?

Она свирепо посмотрела на него и ответила после паузы:

– Тетя Луиза звонит. Ты разве не слышал звонка?

Обвинение. Гнев. Столько негатива после смерти Мелоди. Тори потеряла мать, а Гейдж – жену, лучшего друга, опору, смысл жизни.

– Спасибо, – поблагодарил он, выдерживая взгляд Тори и ожидая, когда дочь уйдет.

Тори вылетела в коридор и хлопнула дверью. Ее торопливые шаги прозвучали в коридоре.

Иисусе, Гейдж даже не слышал, как звонил телефон... *«Включи мозг. Сосредоточься»*. Он снял трубку, откашлялся.

– Привет, Лу. Как поживаешь?

– Сейчас важнее, как поживаешь *ты*! – Голос его старшей сестры звучал деловито, как и следовало ожидать. – Я думала, что ты позвонишь мне после того, как побываешь у врача. Как все прошло? Операция возможна?

Невозможна. Они оба, и он, и Мелоди, знали об этом еще до ее гибели.

Гейдж посмотрел в окно. Совсем темно. Так рано темнеет в это время года. Дождь водяными червячками сползал по черным стеклам.

– Я отменил визит к врачу, – признался Гейдж.

Повисло молчание.

– Я был занят, Лу.

– Проклятье, – негромко выругалась она. Затем раздался приглушенный звук, как будто Луиза прикрыла микрофон рукой, чтобы спокойно высморкаться. – Знаешь, твой долг перед Тори – сохранять контроль над ситуацией.

– У меня полно времени...

– Сколько конкретно? В любой день что-то может пойти не так. Ты не знаешь, как это будет проявляться. Тебе уже пришлось раньше выйти на пенсию из-за...

Ее голос прервался, она едва не упомянула о его временных отключениях сознания на службе.

Несколько ошибок, которые он совершил в расследовании убийства, стали для него красными сигнальными флажками. Какие-то моменты выпадали у него из памяти, он оказывался в местах, не понимая, как туда попал. На прошлой неделе он избил торговца наркотиками в допросной и даже не помнил, почему сорвался или что делал. Вот только что он все видел и слышал, а вот его уже оттаскивают от мерзавца. Вопросы о его здоровье были поставлены официально. Затем возникла тема раннего выхода на пенсию или долгосрочного отпуска по болезни. Эта проклятая болезнь отнимала у него жизнь даже тогда, когда он просто ходил.

– Послушай, я только хочу сказать, что тебе нужно управлять ситуацией, потому что если Тори...

– Я буду. Просто есть кое-какие дела, которые я сначала должен уладить.

– Например?

– Нерешенные вопросы.

Сестра тяжело вздохнула.

– А как поживает Тори? Ты ведь сказал ей, правда?

– Нет еще.

– Гейдж...

– Хватит. Я ее отец, и я знаю, что она не готова. Особенно после того случая в школе...

– *Какого* случая?

– Тори повздорила с одноклассницей, а потом подожгла ее учебники в школьном кафе-терии.

– Я немедленно начинаю собирать вещи и еду в аэропорт. Возьму билет на первый же рейс. Бен и дети справятся без меня какое-то время. По крайней мере, я буду рядом с Тори, когда ты все-таки ей скажешь.

– Нет.

– Девочке потребуется время, чтобы принять тот факт, что ей придется переехать к нам и жить в нашей семье. Я не думаю...

– Прекрати, Луиза. Я знаю, что ты желаешь нам добра. Я знаю, что ты будешь рядом с Тори, когда это случится. Но в настоящий момент я крепок, словно чертов бык. У меня абсолютно ясная голова. Я *в порядке*. Послезавтра вечером я пойду на большую вечеринку по поводу моего выхода на пенсию. Мне пришлось забрать Тори из школы. Мы собираемся...

– *Что* тебе пришлось?

Гейдж на мгновение закрыл глаза и сжал пальцами переносицу.

– Либо так, либо риск очередного взрыва и исключения из школы. И потом, я хочу провести с ней хоть какое-то время. Я хочу уехать с ней куда-нибудь в День благодарения, чтобы у нее остались хорошие, светлые воспоминания. *Другие* воспоминания, – негромко ответил он сестре. – Тори мучается чувством вины из-за гибели Мелоди. Нам нужно справиться с этим до того, как я расскажу ей, что происходит со мной. Просто дай нам немного времени, ладно?

На этот раз Гейдж отчетливо услышал, как Луиза зашмыгала носом и высморкалась. Это его убило. Лу, его деловая старшая сестра, плакала.

– Я тоже не понимаю жизнь, Лу, – спокойно продолжал Гейдж. – Не знаю, почему нам сдали именно эти карты. Тори не повезло. Ей достался чертов джокер в колоде. Но с этим ничего не поделаешь, поэтому мне нужно кое-что привести в порядок, подобрать оборванные концы перед тем, как я уйду.

Ответом ему было молчание. Долгое, долгое молчание.

Гейдж посмотрел на свое мрачное отражение в черном, залитом дождем окне. Внешне он по-прежнему выглядел сильным, мышцы были крепкими после долгих часов в спортзале и на длительных пробежках. У них был этот красивый дом в Китсе и вид на океан, и они думали, что у них есть все. Замечательная дочка. Достойная карьера. Любовь. Уважение. Идеальный и хрупкий стеклянный шар.

А потом этот шар разлетелся на куски.

Гейдж узнал свой диагноз. Мелоди каким-то чудом сумела сделать ситуацию терпимой. Она собиралась быть с ним рядом и пройти весь путь до конца. А когда все было бы кончено, у Тори осталась бы мать. Их дочери не пришлось бы остаться одной.

Но Мелоди после последней снежной бури отправилась покататься на лыжах и упала, ее голова попала прямо в нору под деревом на Кипарисовой горе. Мелоди задохнулась в рыхлом свежем белом снегу, перевернувшись вверх ногами, пока Тори пыталась вытащить мать за лыжи и ботинки. Мелоди умерла и унесла с собой весь свет, всю сердечность и всю энергию из их жизни. Ее не стало... и как будто из прибора вытащили батарейки. Он просто не работал. И сам Гейдж, и Тори начали рассыпаться под гнетом непонимания, ярости, несправедливости. Чувство потери жадно пожирало их.

– Дай нам время до Дня благодарения, – попросил Гейдж сестру.

Луиза судорожно вздохнула.

– И куда вы поедете?

– Недалеко. Всего несколько часов езды по внутреннему плато.

– Позвони мне, когда вернетесь, договорились?

– Решено.

Он попрощался с Луизой, но, когда собирался положить трубку, услышал негромкий щелчок. Как будто в другом конце дома телефонную трубку аккуратно положили на рычаг аппарата.

Гейдж распахнул дверь своего кабинета и широким шагом прошел по коридору.

– Тори? – Он заглянул в комнату дочери. – Тори! Где ты?

Он услышал шум воды в ванной комнате и увидел, что трубка лежит на аппарате. Гейджа затопило облегчение. На короткий ужасный миг он решил, что дочь слышала их разговор с Луизой.

* * *

Юджин забрался в кабину своего дома на колесах. Номера штата Вашингтон были сняты и лежали на пассажирском сиденье. Было безопаснее сохранить номера, чем выбрасывать туда, где их могли найти.

Он включил зажигание, дворники и влился в поток машин. Дворники щелкали, Юджин ехал в сторону моста Лайонс-Гейт в плотном потоке машин. Выбравшись с загруженного моста, он свернул на скоростное шоссе, которое должно было привести его на север, в горы.

Сзади раздался шум. *Бум, бум, бум.* У Юджина подскочило давление. От раздражения по коже побежали мурашки. Лекарства, которыми он ее поил, действовали все хуже и хуже, потому что у нее развилось привыкание.

Юджин посмотрел в зеркало заднего вида, которое обычно позволяло ему через маленькое окошко рассмотреть то, что происходило в доме. Но было темно, дождь заливал стекло, отражавшее огни других машин. Он связал ее крепко, но она как-то сумела ударить в борт каблучками.

Бум, бум, бум-бум-бум. Шум раздался снова. Да, на этот раз «багаж» попался упертый.

Всегда наступал момент, когда свежее мясо начинало тухнуть. Она изначально не была свежей, если уж говорить об этом. Но не стоит торопиться и избавляться от нее. Ему нужно сделать все правильно. Он должен оставить особенное послание.

«...Это становится игрой только тогда, когда обе стороны знают, что они играют».

Губы Юджина изогнулись в улыбке, едва он понял, как поступит, как постепенно будет намекать Саре Бейкер, что она снова стала добычей, что за ней охотятся. Он облизал губы, вспомнив горько-сладкий, соленый вкус отчаянного страха на коже Сары Бейкер.

Глава 2

Четверг.

Четыре дня до Дня благодарения.

Вверх по склону Оливия пустила лошадь галопом. Волосы развевались, ветер выбивал слезы из глаз. Нужно было надеть перчатки, пальцы заledenели. Но Оливия обожала ощущение холодного осеннего воздуха на обнаженной коже. Эйс, немецкая овчарка Оливии, сильно отстал, ориентируясь на стук копыт Спирит. На вершине холма Оливия еле успела вовремя остановить кобылу.

Небо на западе раскрасили яркие полосы цвета фуксии и шафрана. Армию темных елей на вершине западной гряды подсвечивало заходящее солнце, поэтому казалось, что деревья охвачены пламенем. Пока Оливия смотрела, как сияющий огненный шар медленно опускается за горизонт, ветер неожиданно сменился, и температура упала. Затявкали койоты, их хор эхом отозвался в горах Мраморного хребта. Солнце исчезло, и мир вокруг окрасился в перламутровые оттенки серого. Койоты вдруг замолчали. По спине Оливии пробежал холодок, тонкие волосы на руках встали дыбом.

Оливию не переставал поражать этот ритуал, это вечернее шоу, когда свет сменялся темнотой, и то, как на него отвечала дикая природа. Огромное свободное небо. Бесконечные мили лесов и гладких холмов раскинулись на внутреннем плато высоко над уровнем моря. В этом месте, на этом ранчо Оливия наконец обрела чувство покоя. У нее появился дом.

С вершины этого холма открывался самый лучший вид на ранчо Броукен-Бар. Отсюда золотистые поля мягко спускались к аквамаринному озеру. На этих полях обычно пасся скот, но последних животных только что продали, как и большинство лошадей. Это было суровым напоминанием о том, что дела на ранчо шли неважно.

Оливия насчитала три рыбацких лодки на озере. Они медленно плыли к кемпингу на западном берегу, а вода постепенно приобретала цвет олова. Первый снег уже припорошил Мраморный хребет на юге, а листья осин стали золотыми. До Дня благодарения оставалось всего несколько дней. Это будут последние выходные, когда рыболовы, самые нестигаемые, которых не пугали ночные заморозки, попытаются урвать еще несколько часов для ловли удочкой. Зима быстро спускалась с гор, спокойно зажимая природу в ледяном кулаке. Через несколько недель или даже дней леса станут белыми и замерзшими, и ранчо Броукен-Бар, отрезанное от мира, перестанет принимать гостей.

Если бы ранчо принадлежало ей, Оливия открыла бы его для зимнего отдыха, предложила бы катание на санях и лыжах по пересеченной местности, прогулки на снегоступах и катание на снегоходах по лесным тропам, протянувшимся на многие мили. На озере можно было бы кататься на коньках и играть в хоккей. По ночам разжигали бы костры. Она бы устроила рождественский ужин в ковбойском стиле: выращенная на ранчо индейка, овощи со своего огорода и ревущий огонь в гигантском камине. Она бы украсила сверкающими белыми лампочками большую голубую ель, которая, словно часовой, стояла перед старым хозяйским домом. Броукен-Бар идеально подходил для зимнего отдыха. Оливия почувствовала легкий укол в сердце, острую тоску по тому, как она праздновала Рождество и День благодарения в прошлом, тоску по теплу больших семейных сборищ. По той жизни, которая у нее была когда-то. Но Оливия давно стала другим человеком и никогда не смогла бы вернуться к себе прежней. И ни в коем случае она не будет чувствовать себя виноватой в этом.

Больше не будет.

Роль жертвы едва не убила ее. Оливия стала совершенно другим человеком.

И все же это время года, переменчивый интервал между осенью и зимой, всегда давалось ей нелегко. Запахи осени, крики улетающих на юг гусей, первые выстрелы осенней охоты на

холмах по-прежнему действовали на нее, наполняли смутным страхом, нашептывали о незабытом ужасе. Оливия особенно остро ощущала боль потери. Боль матери, потерявшей своего ребенка. На нее наваливались вопросы.

«Где ты сейчас, моя девочка? Счастлива ли ты? В безопасности ли?»

Ее настроение изменилось, и внимание переключилось на дым, выходящий из каменной трубы большого старого дома в отдалении. Джип доктора Холлидея все еще стоял на парковке.

Хозяином ранчо был старик Майрон Макдона. Оно принадлежало его семье с середины XIX века, с тех пор как его предки обосновались на земле Карибу. Если верить верной экономке Майрона, Адель Каррик, то Броукен-Бар двадцать три года назад было процветающим скотоводческим и гостевым ранчо. Но потом в результате несчастного случая погибли Грейс, жена Майрона, и их младший сын Джимми. С этого времени Майрон начал уходить в себя, становился все более жестким, ворчливым, грубым и несдержанным, а ранчо постепенно приходило в упадок. Двое старших детей уехали и ни разу не навещали отца.

Теперь Майрон заболел и стал распродавать то, что осталось от ранчо и рыболовного бизнеса. Прошлой зимой Майрону поставили диагноз, и он практически сразу продал весь оставшийся скот и почти всех лошадей. Гости больше не оставались в хозяйском доме. С весны до осени сдавались только домики и места в кемпинге. В прошлом сезоне прекратились поездки на лошадях, поэтому уволили всех работников конюшни и грумов. Работал только Брэнниган, который ухаживал за несколькими оставшимися лошадьми. Из персонала ранчо остались только экономка, шеф-повар, помощница на кухне, официантка и бармен, которых нанимали на сезон, уборщицы с неполной занятостью, сезонные рабочие на ферме и она, Оливия. Менеджера офиса и магазина наживки отпустили на прошлой неделе с обещанием взять на работу следующим летом. Но доживет ли Майрон до следующего лета, никто не знал.

Ветер швырнул волосы в лицо Оливии. Этим вечером она почти ощущала на вкус приближающийся снег – слабый металлический привкус, – и ей вдруг показалось, что вокруг смыкается холодная темнота.

Она хотела переговорить с доктором Холлидеем. Оливия уже собралась свистнуть Эйсу, который пошел по следу за каким-то зверьком, когда ее отвлек шум мотора большого автомобиля, ехавшего по лесовозной дороге на другой стороне озера. Оливия прищурилась. Пыль, словно мелкие брызги, тонкой дымкой поднималась над деревьями на другом берегу. По звуку ей показалось, что это дизельный грузовик, который тащит трейлер. Вероятно, кто-то направлялся в кемпинг.

Она позволит приехавшим устроиться в кемпинге и, если они вечером не придут в офис, чтобы оплатить проживание, утром она первым делом навестит их. Оливия не хотела пропустить Холлидея, а его джип как раз отъезжал с парковки.

Резким свистом подозвав Эйса, Оливия пустила Спирит рысью вниз с холма. К тому времени, когда она добралась до проселочной дороги, джип Холлидея, поднимая клубы пыли, почти доехал до загона для скота. Оливия пустила кобылу галопом, чтобы перехватить доктора возле въезда на ранчо, обозначенного аркой. Копыта стучали по сухой земле. Холлидей сбросил скорость, заметив Оливию. Он остановился под аркой с крупными, побелевшими от времени рогами американских лосей. Оливия натянула поводья, кобыла встала. Спирит затанцевала на месте, фыркая в холодном вечернем воздухе.

Доктор открыл дверцу машины и вышел.

– Привет, Лив.

Оливия спрыгнула на землю и направилась к нему, ведя за собой Спирит.

– Я рада, что догнала вас, – ответила Оливия, слегка запыхавшись. – Как он?

Холлидей протянул руку и взял Спирит под уздцы. Он почесал кобыле лоб, потом вздохнул и отвернулся. Налетел порыв ветра. Врач перевел взгляд на Эйса, обнюхивавшего колеса

джипа, потом снова встретился глазами с Оливией. От того, что она в них увидела, упало сердце.

– Сегодня утром я разговаривал с онкологом. Пришли результаты компьютерной томографии. Рак быстро распространился. Метастазы в легких, вдоль позвоночника, в печени. Ему очень больно, Лив. Майрону потребуется круглосуточный уход. Необходимо будет принять решение.

У Оливии защемило в груди.

– Как скоро?

– Как можно быстрее. – Доктор замялся. – Теперь Майрону может стать хуже в любой момент. Или он продержится еще. Много будет зависеть от того, как сильно старый барсук захочет цепляться за жизнь и бороться с болью. Следует проинформировать его сына и дочь, а мы знаем, что сам Майрон этого не сделает.

– Думаю, что он так и не перестал винить Коула в смерти Грейс и Джимми, – негромко ответила Оливия.

Доктор кивнул.

– Я знаю его семью долгие годы, и этот несчастный случай все изменил. Горечь Майрона определила то, каким Коул стал теперь. Господь свидетель, у Коула тоже не осталось любви к отцу. И все же, если бы это был мой отец, я бы хотел знать. Я бы предпочел, чтобы у меня была возможность попроситься с ним и исправить то, что мне под силу. – Холлидей опять замялся. – Майрон, возможно, воспримет это лучше, если это сделаешь ты, если *ты* им позвонишь.

– Я?

– Ты его друг.

– Но вы его давний друг, док.

– Я бы сам позвонил им, но в настоящий момент мне не стоит отталкивать его от себя. Мне потребуется доверие Майрона, когда мы перейдем на следующий этап ухода за ним. Ты же знаешь, каким он может быть.

Оливия шумно выдохнула: у нее сдавило грудь при мысли о том, что она потеряет Майрона, потеряет свое место на этом ранчо, ставшем для нее домом. Когда снова налетел ледяной ветер, она опять испытала это ощущение. Ей показалось, что вокруг холодная темнота. Круг замыкался.

Перед ее мысленным взором промелькнули фотографии в рамках на стенах библиотеки Майрона. Тот факт, что они все еще там висели, доказывал, что у него остались чувства к собственным детям.

– Я не знакома с его детьми, – еле слышно ответила Оливия. – Я никогда с ними не разговаривала.

– Лив, *кто-то* должен это сделать.

* * *

Глубоко задумавшись, Оливия вычистила и напоила Спирит при свете керосиновой лампы, висевшей на балке сарая. Оливия поставила кобылу в стойло, потом вернулась в свой коттедж и накормила Эйса. Стоя под горячим душем, она собралась с мыслями, прежде чем тепло одеться и отправиться в хозяйский дом, чтобы поговорить с Майроном. Эйс увязался за ней. Пока они шли по узкой тропинке, под ногами похрустывали листья. Тропинка шла от коттеджа Оливии через густую рощицу дрожащих осин, а потом поднималась по лужайке к трехэтажному бревенчатому дому.

Фонари на крыльце и лампы внутри дома изливали в темноту желтый приветливый свет. Оливия поднялась по деревянным ступеням, вытерла ковбойские сапоги о коврик и открыла величественную деревянную дверь.

Когда она вошла в холл с выложенным каменными плитами полом, Адель как раз шла мимо с нагруженным подносом. При виде Оливии она вздрогнула и резко остановилась у подножия широкой лестницы.

– А, это ты! – сказала Адель. Вид у нее был странно взволнованный. – Я... как раз нес ужин мистеру Макдона. Сегодня он ужинает в библиотеке.

– Никто не бронировал места на ужин в хозяйском доме? – Оливия повесила куртку на рога у входа, исполнявшие роль вешалки. С высокого сводчатого потолка свисала кованная люстра, отбрасывая на холл многогранный свет. Справа от входа располагалась гостиная с открытой планировкой, где гости могли отдохнуть перед камином, посмотреть телевизор, посидеть за компьютером или поиграть на бильярде. Маленький бар в гостиной открывался на время трапез. Далее располагались столовая и кухня.

– Сегодня никто, – ответила экономка. – Но у нас забронированы места на пятницу и на выходные.

Хотя гости больше не останавливались в комнатах наверху, в хозяйском доме можно было пообедать. Судя по тому, что сказал доктор Холлидей, следующим летом кухня, вероятно, уже не откроется. Скорее всего, это последние выходные для гостей на ранчо. Мысль была отрезвляющей.

– Позвольте мне отнести ужин вместо вас. – Оливия протянула руку. – Мне в любом случае нужно с ним поговорить.

Экономка передала ей поднос.

– Как он сегодня?

– Полон жизненных сил, если ты об этом.

На лице Оливии появилась широкая улыбка.

– Что ж, это хороший знак. Вы можете ехать домой. Я посижу с ним, пока он поест, а потом уберу на кухне.

Адель какое-то время смотрела на Оливию. Выражение ее глаз понять было невозможно. Адель развязала фартук.

– Как хочешь. Я сейчас все закончу и уйду.

Адель была раздражительной, но необходимой для ранчо и для старика. Оливия задумалась о том, что станет делать экономка после его смерти.

Дверь в библиотеку оказалась чуть приоткрытой, и Оливия подносом распахнула ее пошире.

В камине разожгли огонь, поленья потрескивали. Майрон сидел в инвалидном кресле, спиной к двери, и смотрел в окно. Эйс направился напрямик к камину.

– Привет, Старик.

Майрон повернулся, и его грубоватое лицо под копной серебристо-седых волос расплылось в улыбке.

– Оливия!

Майрон развернул кресло на колесах.

До того как болезнь свалила его, он был великолепным, крупным, резким мужчиной-горой. Он по-прежнему напоминал Оливии постаревших Шона Коннери и Харрисона Форда в одном лице. У него была густая пиратская борода.

– Проголодались? – Оливия подняла поднос повыше.

Майрон подъехал к камину.

– Поставь его на столик у огня. И налей выпить. Присоединишься?

– Пожалуй, да.

Она поставила поднос на маленький столик у камина, подошла к буфету и налила им обоим виски. Бутылку она поставила на стол рядом с Майроном, чтобы он мог до нее дотянуться, и уселась в большое кожаное кресло с другой стороны камина. Оливия сделала глоток

скотча, наблюдая, как Майрон подносит ко рту ложку. Руки у старика дрожали сильнее, и суп пролился. Цвет лица стал землисто-бледным, щеки под бакенбардами запали. Глаза слезились, белки пожелтели. Оливия ощутила жуткую пустоту в желудке.

– Что тебя гложет, Оливия?

Она задумчиво посмотрела на большую фотографию сына Майрона, висевшую на почетном месте – над камином, выложенным из речного камня. Коул Макдона как будто угрюмо и испытывающе смотрел на Оливию сверху вниз такими же глубоко посаженными серыми глазами, как у отца. Волосы Майрона поседели, а волосы Коула пока оставались буйными и темными, кожа была коричневой от сильного загара.

Это был портретный снимок, сделанный в лагере альпинистов на горе Нангапарбат. Он излучал грубую мужественность, бесшабашное отношение к жизни. Несколько лет назад это фото поместили на обложке журнала «Мир вокруг», когда Коул написал для него статью – отчет из первых рук – о трагическом нападении бойцов Талибана на альпинистов в лагере на горе Нангапарбат. Статью Коул впоследствии превратил в книгу. Затем по книге был снят фильм. Один – два в его пользу.

Коул, бывший военный, когда-то преподавал психологию и философию, потом стал военным корреспондентом, затем – писателем-документалистом, описывающим приключения. А еще литературным адреналиновым наркоманом, жившим на лезвии бритвы под названием смерть и старавшимся объяснить с точки зрения психологии поведение тех, кто жил так же. Это было главной темой всех его произведений: почему мужчины и женщины совершали экстраемальные поступки, почему одни люди выживали вопреки всему, а другие погибали. Оливия изучила заголовки его книг, стоявших на полках в библиотеке Майрона.

Коул стал жертвой стремления к самолюбованию. Оливия пришла к такому выводу некоторое время назад. Ей была неприятна сама мысль о нем, возможно, потому, что она завидовала его свободе, его способности проживать жизнь на предельной скорости и с такой жадой.

Майрон следом за Оливией тоже посмотрел на портрет. Его рука, державшая ложку, замерла.

– В чем дело? – спросил он.

Оливия откашлялась.

– Где он сейчас?

– Коул?

– Да. И Джейн. Она все еще в Лондоне со своей семьей?

Старик медленно положил ложку, потянулся за стаканом с виски, сделал большой глоток и закрыл глаза.

– Ты говорила с Холлидеем?

– Да.

Майрон промолчал. В камине громко треснуло полено. Эйс перевернулся на спину, ослабленный, словно щенок, его язык свисал набок.

– Он мне сказал, – продолжала Оливия.

Старик открыл глаза.

– Что именно?

– Что вам придется принимать решение относительно сиделки или хосписа. Док сказал, что кому-то следует позвонить Коулу и Джейн и сообщить им о том, что происходит.

Кустистые седые брови Майрона опустились, глаза превратились в щелочки. Очень спокойно он ответил:

– Только через мой труп.

– Что через ваш труп, Майрон? – так же спокойно ответила Оливия. – Пригласить сиделку? Отправиться в хоспис? И позвонить вашим детям?

– Все вместе. – Он допил остаток виски, взял бутылку и налил еще на три пальца в хрустальный стакан. Оливия знала, что он принимает много лекарств. Пожалуй, ему не стоило столько пить. С другой стороны, почему нет, если человек все равно умирает?

– Я не дам и ломаного гроша за то, что говорит наш замечательный доктор. Если мне предстоит умереть, то я сделаю это здесь. На *своих* условиях. На своем ранчо, в своем собственном чертовом доме. Где я прожил всю свою чертову жизнь. Куда я привел свою жену. Где у нас родились дети...

Его голос прервался, оставив невысказанные слова висеть в пустоте.

«Где погибла моя жена. Где погиб мой младший сын... Где моя семья развалилась...»

Пламя камина отразилось в его повлажневших глазах.

Оливия поставила свой стакан на столик и нагнулась вперед, положив руки на колени.

– Майрон, если вы не переедете в такое место, где за вами будут ухаживать, вам потребуется медсестра, живущая в доме...

Он резко вскинул руку.

– Прекрати. Даже не думай об этом. Тот день, когда мне потребуется сиделка, чтобы вытирать задницу, чистить зубы и выносить горшок, станет днем моей смерти. Достоинство. Чертовое достоинство. Или я прошу о слишком многом?

– Вашим детям следует знать. У них есть право...

– Хватит! – Майрон с грохотом поставил стакан, его щеки покраснели. – Ни за что на свете. Я *не хочу*, чтобы эти двое ссорились из-за наследства, пытаюсь продать это ранчо еще при моей жизни. А они попытаются сделать это, попомни мои слова.

– Вы не можете быть уверены в том, что они...

– Разумеется, могу. Коулу глубоко плевать на то, что произойдет с Броукен-Бар или с его отцом. И он мне здесь не нужен, чтобы постоянно напоминать об этом. Когда я умру, когда мой пепел развеют, когда моя мемориальная пирамида из камней появится на вершине горы рядом с пирамидами Грейс и Джимми, тогда они получат ранчо. И мой призрак будет пугать их. – Старик помолчал. Он выглядел очень уставшим, но от этого не менее решительным. – Ты сделаешь это для меня. Развеешь пепел, сложишь из камней пирамиду.

Оливия потерла лоб, еще раз украдкой посмотрела на снимок над камином.

– Где Коул теперь?

Молчание.

Она повернулась, чтобы посмотреть на Майрона. На его лице появилось странное выражение. Плечи ушли вперед, вжимая его в кресло. В глазах старика Оливия увидела сожаление.

Ее переполняли эмоции.

«Если бы это был мой отец, я хотела бы знать. Я бы хотела, чтобы у меня была возможность попрощаться...»

Можно ли исправить то, что пошло не так? Или это чистой воды безумие – пытаться помириться, когда гнев, сожаления, горечь, обвинения настолько глубоко укоренились в душе человека и так крепко переплелись друг с другом, что если вы попытаетесь извлечь один корень, то погибнет все дерево?

– Он в Гаване, – наконец ответил Майрон. – Топит свои печали в спиртном.

Оливию охватило удивление.

– В Гаване? На Кубе? Откуда вы знаете?

Майрон равнодушно пожал плечами и отвернулся, уставившись на пламя. Его руки с проступившими венами безвольно лежали на подлокотниках кресла. Тот факт, что он знал, где находится Коул, подсказал Оливии, что ему не все равно. Не совсем все равно. У нее появилось ощущение, что Майрону необходимо это сделать – помириться с сыном. И с дочерью тоже.

Или это чувство подстегивала подспудная вина самой Оливии за то, что ее семья стала ей чужой? Оливия сглотнула, заставляя себя оставаться в настоящем. Когда она позволяла своим мыслям возвращаться в прошлое, ей становилось плохо.

– Какие печали? – негромко спросила она.

По-прежнему отказываясь смотреть Оливии в глаза, старик сказал:

– У Коула, кажется, застой в работе после того, как от него ушла жена и забрала с собой ребенка.

– Я... не знала, что у него семья. Он был женат?

– Незарегистрированный брак. Ее зовут Холли. У нее сын от предыдущего брака, Тай. Она вернулась к своему бывшему после того, как Коул попал в передрагу в Судане и подверг опасности жизнь ее сына. Она забрала мальчика и вернулась к его отцу. Сейчас парнишке должно быть восемь лет.

– Откуда вы все это знаете?

– Прочел в том журнале, для которого он пишет. Ты же знаешь, у него склонность такая – проживать жизнь по максимуму, гоняться за штормом в ущерб тем, кто рядом с ним. Коул никогда не привозил домой Холли или Тая, я с ними не был знаком. – Майрон резко хохотнул. – Впрочем, Коул давным-давно перестал называть Броукен-Бар домом.

– А что случилось в Судане?

Майрон махнул рукой, отменяя тему, словно дурной запах.

– Не хочу говорить об этом. – Он откашлялся и добавил: – Джимми тоже было восемь, когда Коул утопил его в реке.

Оливия похолодела. Ее охватило внушающее смутный ужас ощущение, что время скручивается, сплетается и повторяется, как двойная спираль молекулы ДНК.

Майрон замолчал, его мысли явно уплыли куда-то в море скрытой печали с бакенами из алкоголя и болеутоляющих таблеток.

Оливия еще раз украдкой посмотрела на снимок Коула над камином.

– Всеу свое время, Лив, – наконец сказал Майрон. Теперь он произносил слова с трудом и немного невнятно. – Каждая жизнь – это цикл. Человек делает выбор и несет свое наказание. Даже это ранчо... Возможно, его время вышло. Конец эпохи. Конец наследия.

Старик потянулся за стаканом и дрожащей рукой повращал в нем виски, наблюдая, как жидкость отражает языки пламени.

– Глупо ждать, что мои потомки будут продолжать мое дело.

Он снова откашлялся и продолжал:

– Даже если кто-то захочет снова начать разводить коров, финансовые издержки будут огромными. Но туристический бизнес может работать круглый год. Хозяйский дом снова мог бы наполниться гостями. Домики можно было бы отремонтировать, сделать их дороже, увеличить доход с каждого гостя. Сейчас спрос на услуги такого рода. Туристы из Германии. Азиаты. Британцы. Дикая природа дает им что-то такое, чего они просто не могут найти дома.

Оливия посмотрела на старика. Вместо него говорили болеутоляющие, виски, усталость, но она сумела разглядеть окошко в его мыслях, о котором даже не подозревала.

– Я даже не знала, что вы задумывались об этом. О зимнем бизнесе.

– Это никогда не сработает.

– *Это сработало бы.* Если бы кто-то этого захотел. – Оливия не сумела удержаться от этих слов. Именно об этом она мечтала так часто, что даже составила электронные таблицы и прикинула смету, потому что... Да потому что у нее не было своей жизни, вот почему. Ранчо стало ее жизнью. Потому что у нее была глупая фантазия: настанет день, и она покажет Майрону свои бумаги и официально что-то предложит. Но этому помешал его диагноз.

– Я представляю более комфортабельные номера в хозяйском доме, – сказала она. – Увеличение числа походов, возможно, даже поездки верхом, чтобы половить стальноголового

лосоя, когда он пойдет вверх по течению Такена-ривер. Гидросамолеты, которые доставляли бы сюда высоких гостей. Великолепные свежие продукты, выращенные на ранчо. Форель из озера, оленина и дичь из лесов. Добавьте к этому зимний отдых на Рождество. Я верю, что это сработало бы. Я *знаю*.

Майрон долго смотрел на Оливию, в его глазах появилось непроницаемое выражение. Он покачал головой.

– Забудь об этом. – Старик поставил стакан и покатил коляску по ковру. От усилия его лицо исказилось. – Сегодня вечером мне нужно пораньше отправиться на боковую. Закроешь здесь все?

Оливия встала и взялась за ручки его коляски.

– Не надо, я сам.

Но на этот раз она не послушалась.

– Забудьте об этом, Майрон. Мне нужно, чтобы вы прожили еще несколько дней.

Оливия покатила его к двери библиотеки.

– И почему я позволяю тебе командовать?

– Потому что я милая, – с улыбкой ответила Оливия. – И недорого вам обхожусь.

Она выкатила кресло в коридор, подкатила его к маленькому лифту, который установили весной, и нажала на кнопку, перегнувшись через старика.

– Ты ведь и сама когда-то жила на ранчо, верно, Лив?

Оливия напряглась.

– Вы никогда не спрашивали меня о прошлом.

– Но ты умеешь охотиться, ловить рыбу, ухаживать за лошадьми. Это должно было откуда-то взяться. Где твой дом, Оливия? Ты выросла в Британской Колумбии? Или в другой провинции?

Двери лифта открылись.

Оливия замешкалась. Старик загнал ее в угол. После того что Майрон для нее сделал, она обязана была сказать ему хотя бы часть правды. Благодаря старику ей удалось легко прижиться в Броукен-Бар и начать приходить в себя, чтобы наконец обрести хоть какой-то покой. Это было просто, потому что он никогда *не спрашивал*, откуда она родом. Ему хватило базового резюме при найме на работу. Майрон заметил шрамы у нее на запястьях, но ни разу не упомянул о них. Этот старик понимал, что такое секреты и по каким причинам их хранят.

– Да. – Оливия вкатила коляску в кабину лифта и нажала кнопку третьего этажа. Двери закрылись, лифт загудел и двинулся вверх. – Это было ранчо, но намного севернее.

Слава богу, Майрон молчал, пока Оливия выкатывала коляску из лифта и катила по коридору до его спальни. Это было угловое помещение, откуда открывался вид на озеро, на горы на юге и на пологие холмы, поросшие осинами, на западе.

– Спасибо, – поблагодарил старик, когда они оказались у двери в спальню. – Дальше я сам.

– Вы уверены?

– Я еще не умер, черт подери. Повторяю, в тот день, когда мне потребуется кто-то, чтобы почистить зубы, вытереть задницу и уложить в подушке в постель, в тот день я умру.

Оливия фыркнула. И все же ей стало не по себе, когда она увидела в глазах Майрона яростную решимость. Она вдруг испугалась того, что он может сам уйти из жизни – на своих условиях. Таблеток ему для этого хватит.

– Ну... – Она замялась. Ей не хотелось оставлять его одного. – Тогда спокойной ночи. – Оливия пошла по коридору.

Старик напугал ее, когда окликнул.

– Почему ты делаешь это, Оливия?

Она обернулась.

– Что именно?

– Возишь коляску со стариком. Развлекаешь его. Что тебе от меня нужно?

Сердце у нее сжалось.

– Не надо, Майрон – спокойно ответила она. – Не думайте, что вам удастся оттолкнуть еще и меня. Со мной вам так легко не справиться.

Старик свирепо посмотрел на нее, его руки на подлокотниках коляски сжались в кулаки.

– Ты считаешь, что я оттолкнул своих детей? Думаешь, я порвал отношения с сыном?

Так ты думаешь?

– А вы это сделали?

Майрон развернул кресло и вкатился в спальню.

– Иди к черту, Лив.

Он захлопнул за собой дверь.

– Я там уже была, – бросила она ему вслед, – и знаю, каково это.

Молчание.

«Чертов старый ублюдок».

– Я поняла вашу игру, Майрон! – крикнула Оливия через дверь. – Вы слишком слабы, чтобы справиться с собственными эмоциями, вот что! Компромиссы требуют слишком большой работы, поэтому вы просто отсекаете всех от себя!

Нет ответа. Только старинные напольные часы тикают в глубине коридора.

Оливия выругалась сквозь зубы, развернулась, быстро прошла по коридору и сбежала вниз по массивной деревянной лестнице. По пути на нее неожиданно нахлынули воспоминания. Она тоже отрезала от себя свою семью, бывшего мужа, родной город. У нее остались только этот умирающий старик, который был ей так дорог, а еще Эйс и Спирит. Они были ее семьей на этот момент. А домом – крошечный деревянный коттедж в рощице у озера: без электричества и без компьютера, без связи с внешним миром, да и этот коттедж ей не принадлежал. Все это рано или поздно отойдет Коулу и Джейн, скорее рано.

Все вылетит у Оливии из-под ног.

«Взбодрись, девочка, ты проходила и через худшее. Ты ничего не можешь сделать с тем, что старик умирает...»

Нет, не так. Она остановилась у двери в библиотеку. Она все еще могла кое-что сделать. Могла позвонить его детям. Могла дать им шанс вернуться домой. Попрощаться с отцом. Перекинуть мост через упущенные годы. Оливия могла дать им тот шанс, которого у нее никогда не было.

Она могла дать Майрону возможность сказать, что он сожалеет.

* * *

Оливия прошла через библиотеку в смежную комнату, служившую старику кабинетом. Огонь почти погас, оставив краснеющие угли. Эйс все еще лежал перед камином и спал крепким сном. Письменный стол Майрона был завален бумагами. На самом верху этой груды лежал плотный крафтовый пакет. На нем было нацарапано: «Последняя воля и завещание». Еще одно мрачное напоминание о том, что все подходит к концу.

Оливия открыла верхний ящик стола, откуда однажды Майрон доставал свою адресную картотеку фирмы «Ролодекс». В ящике рядом с «Ролодексом» лежала книга в твердом переплете с закладкой между страницами. Оливия удивилась. Это было последнее произведение Коула: документальное повествование под простым названием «Выжившие».

Оливия раскрыла книгу и прочла текст на клапане обложки.

«Почему один человек чудесным образом выживает, несмотря ни на что, а другие погибают, хотя им оставалось только дожидаться, чтобы их спасли? В этом исследовании по психологии выживания Коул Макдона рассматривает подлинные, леденящие кровь истории о встрече со смертью, чтобы показать удивительный набор черт, которые объясняют, почему некоторым людям удается избежать фатальной паники и превратиться из жертвы в выжившего...»

У Оливии сдавило грудь от сложных эмоций. Ей нравилось думать о себе как о выжившей. Она продержалась и перехитрила мясника из Уотт-Лейк. Но так ли это на самом деле? Этот дьявол все еще жил у нее глубоко внутри. На каком-то уровне она знала, что по-прежнему старается убежать от него, от воспоминаний. От себя, какой она была когда-то. Возможно, Оливия и была выжившей, а вот Сара Бейкер нет. Потому что он убил Сару. И она помогла ему.

Оливия решила взять книгу и почитать. Она не сомневалась, что Майрон не станет возражать.

Она перелистала его картотеку, нашла карточки Коула и Джейн, переписала сведения на листок бумаги. Действующими были мобильные номера или нет – это она вскоре выяснит. Вернув «Ролодекс» на место, Оливия задвинула ящик. При этом она столкнула со стола маленькую фигурку из латуни. Та с громким стуком упала на деревянный пол. Оливия выругалась, подобрала статуэтку и поставила на место. И тут же застыла, услышав в библиотеке шум. У Оливии участился пульс.

– Ау! – Она с опаской вошла в библиотеку. – Кто здесь?

Из коридора донеслось негромкое шарканье. Эйса на ковре не было. Оливия напряглась. Она двигалась быстро и бесшумно, словно кошка, неожиданно остро осознав, что у нее на бедре в ножнах висит охотничий нож, который она всегда носила с собой.

Оливия вышла в коридор. Фигура повернула за угол и нырнула под лестницу. Оливия заметила, как мелькнуло светло-голубое платье.

– Адель! Это вы?

Экономка вышла из-под лестницы. Она явно нервничала и разглаживала юбку. Эйс шел за ней следом.

Оливию охватил гнев, подстегнутый адреналином. Она *ненавидела*, когда ее пугали. Страх позволял вернуться воспоминаниям.

– Это вы были в библиотеке? – слишком резко, с сильно бьющимся сердцем спросила она.

– Нет... То есть да, – ответила Адель. – Я заметила, что поднос мистера Макдоны все еще там. Я все убрала и как раз собиралась уходить, когда мне показалось, что кто-то ходит в его кабинете.

Ее взгляд метнулся к листку бумаги и книге в руке Оливии.

– Это была я, – отрывисто сказала та, засовывая листок с номерами телефонов в задний карман джинсов.

– Понятно. Ну, хорошо. Я... подумала, что это мог быть кто-то чужой. Я, пожалуй, поеду домой.

Адель поспешила к двери, схватила пальто с вешалки, сунула руки в рукава, потом замерла.

– Так ты нашла то, что искала? В кабинете мистера Макдоны?

Оливию охватило подозрение.

– Да. Спасибо.

Адель выждала еще минуту. Оливия больше ничего не сказала.

– Тогда спокойной ночи.

– Я тоже уже ухожу. – Оливия взяла свою куртку и фонарик.

Она заперла за собой входную дверь, Адель направилась за угол дома, где она парковала свою «Субару». Оливия услышала, как заурчал двигатель. С крыльца она посмотрела, как авто-

мобиль экономки уезжает по подъездной дорожке, а задние фонари исчезают в темноте. Над головой Оливии уходил в бесконечность темный свод неба, усеянный звездами.

Когда шум мотора «Субару» стих вдалеке, установилась холодная тяжелая тишина, и у Оливии в затылке появилось странное неприятное ощущение.

Она включила фонарик и пересекла лужайку. Эйс шел за ней по пятам. Когда они вошли в темную осиновую рощицу, опавшие листья и сухая трава шуршали и перешептывались под ночным ветром. И тут Оливия услышала резкий треск ветки.

Она застыла.

Треск повторился.

Оливия сунула книгу за пазуху и нагнулась, чтобы схватить Эйса за ошейник. Потом направила фонарик в темноту. Пес зарычал. Сердце Оливии забилось быстрее. Она ждала и слушала.

Больше ничего. Только хлопанье, шуршание и шепот сухих листьев и ветвей. И все же она остро ощущала, что кто-то наблюдает за ней из темноты.

Все еще держа овчарку за ошейник, Оливия снова посветила фонариком вокруг себя, ожидая увидеть блеск зеленых глаз. Или красных.

Но Оливия не увидела ничего, кроме теней и темноты. Крепко держа Эйса за ошейник, она быстро дошла до своего домика. Против койотов или медведя у пса не было ни малейшего шанса. Да он вообще ни с кем не справился бы, потому что почти ослеп и хроمال.

Войдя в дом, Оливия зажгла керосиновую лампу и свечу. Теплый свет завибрировал в маленькой гостиной. Оливия сразу почувствовала облегчение.

Она потянулась было к щеколде на двери, помедлила, потом опустила руку. В запертом помещении у нее начинались панические атаки. Нет, она просто *отказывалась* бояться на ранчо. Себастьян Джордж мертв, и то, что она не запирала дверь дома, было ее заявление о свободе, ее личная победная линия на песке. И все же Оливия не сразу отошла от двери, постояла, потирая руки, и ее затошнило. Откуда это ощущение? Будто надвигается что-то мрачное? Это была приближающаяся смерть Майрона, вот что это.

Опустив жалюзи, Оливия пошевелила оставшиеся угли в дровяной печке и поставила на плиту кастрюльку с супом. Эйс свернулся калачиком на своей подстилке перед огнем. Оливия посмотрела на часы и сообразила, что на Кубе должно быть около полуночи, а в Лондоне – около шести утра.

Звонить было или слишком поздно, или слишком рано.

Она мерила шагами гостиную, растирая предплечья. Нервы.

К черту все. Майрон может завтра умереть. Оливия вынула из чехла на поясе спутниковый телефон, миниатюрный Globalstar GSP-1700, одну из немногих прихотей, которые она себе позволила. Она мало тратила на одежду, практически ничего не расходовала на косметику. Редко ездила в город, только если с поручениями. Оливия тратила деньги на дорогостоящие бамбуковые удилища, рыболовные снасти, леску и барабаны. Купила она себе и спутниковый телефон. Она носила его с собой, но не потому, что сотовая связь в этой местности была отвратительной, и не потому, что ей хотелось общаться с внешним миром. Да, она всех уверяла в обратном. Да, она отказывалась быть жертвой или бояться кого-то. Но темное чувство гнездилось глубоко в душе: она хотела иметь возможность позвать на помощь, где бы ни была. Несмотря на показную храбрость, Оливия больше никогда не хотела быть отрезанной от линии спасения.

Сначала она позвонила Джейн в Лондон. Ее звонок сразу был переадресован на голосовую почту. Оливия нажала на кнопку отбоя и замерла, услышав что-то снаружи. Она прислушалась, ощущение опасности все плотнее смыкалось вокруг нее. Оливия перевела взгляд на Эйса. Он был ее радаром. Но пес спал глубоким сном. Она набрала номера Коула Макдоны.

Он ответил после пятого гудка.

Глава 3

Флорида-Кис. Морской бар «У Блэка».

Четверг. Почти полночь.

Ночь была душная, бар – переполненный. Распахнутые окна впускали соленый воздух, которому не удавалось рассеять дымную, наполненную джазом атмосферу. Пот блестел на темной коже кубинских музыкантов-экспатов, сгрудившихся на крошечной сцене, и на лицах посетителей, смеявшихся, шептавшихся, выпивавших и раскачивавшихся под почти ощутимые биты на крошечном танцполе бара.

Вокалистка взяла микрофон. С любовью. И начала петь, голос у нее был низкий и бархатный, полный тайны и древней страсти. Чувственность ощущалась в воздухе, словно тяжелый аромат благовоний, танцующие пары двигались в ритме ее голоса. В банках дрожали свечи, и пол под креслом Коула, казалось, слегка покачивался.

Или виной тому была выпивка. Или травка, которую они покурили на лодке. Он моргнул, пытаясь сбросить сонливость. Веки отяжелели. Коул сидел с бутылкой пива за маленьким круглым столиком со своим старым товарищем по военным окопам, Гэвином Блэком, фотожурналистом. Блэк завязал с военными командировками, чтобы открыть этот бар рядом с доками во Флорида-Кис, и теперь возил на своей лодке желающих порыбачить. Коул и Гэвин встали еще до рассвета и ловили рыбу до темноты. Они обгорели на солнце, покрылись налетом соли, мышцы по-спортивному болели.

Гэвин заманил Коула к себе месяц назад под предлогом того, что ему нужна помощь с чартерным бизнесом. Это была ложь.

На самом деле он просто хотел спасти Коула от него самого. Прошел слух, что тот прожигал жизнь в барах и постелях Гаваны, пытаясь писать какую-то чушь о том, почему Хемингуэю нужен был риск.

Сквозь алкогольный туман Коул понял, что вокалистка поет о грешнике, который пытается убежать от дьявола. Вместо того чтобы сосредоточиться на словах, он прищурился, рассматривая лицо женщины сквозь табачный дым. Кожа цвета черного дерева, глаза с нависшими веками, пухлые губы. Она как будто медленно занималась любовью с микрофоном. Лицо певицы напомнило Коулу женщин, которых он видел в Судане. И он сразу вспомнил о Холли и Тае. Коулу стало жарко.

– Тебе нужно найти для себя новую историю, дружище, – сказал Гэвин, протягивая руку за пивом Коула и вглядываясь в его лицо.

Тот посмотрел на друга. Лицо Гэвина расплывалось у него перед глазами.

– Я исписался. – Коул поднял руку, прося официанта принести еще бутылку. – Я должен признать это: муза от меня ушла.

Его голос звучал глухо, язык заплетался.

Гэвин подался к другу. Его загорелые мощные руки лежали на маленьком круглом столике, татуировка в память об Афганистане двигалась под сильной мышцей. Коул впервые встретил Гэвина Блэка в горах Гиндукуша. Его фоторепортажи шокировали мир. Блэк гораздо раньше делал своими снимками то, что Коул лишь надеялся достичь словами.

– Как насчет того, чтобы взяться за ту тему, на которую ты всегда хотел написать? О замбийских врачах-колдунах и черном рынке человеческих органов? Это тебя отвлечет.

Отвлечет.

В опьянение начал пробираться гнев, какая-то черная, апатичная желчность, в которой в этот момент было больше ненависти к себе и самообвинений, чем чего-то другого. Возможно, было еще и потакание своим желаниям. На подсознании Коул все это знал. Знал, что Гэвин прав. Коулу нужно найти нечто такое, что подогрело бы старые соки. Но он просто не мог

достичь необходимого уровня интереса хоть к чему-нибудь. Привычный поиск историй больше не казался ему благородным. Он не видел смысла в том, чтобы рассказывать миру свои истории. Не видел с того момента, когда в Судане изменилась парадигма его опыта.

– С чего, собственно, ты отправился на Кубу и засел там? Идиотская дань Хемингуэю? Seriously, это было идеей твоей следующей книги? Так об этом уже написали. Не меньше тысячи раз. Ты способен на большее.

– Отвянь от меня, а? – Коул поднял руку и раздраженно помахал бармену, указывая на пустые бутылки перед ними. – Если бы мне потребовался психотерапевт, я бы его нашел.

Официант еще с двумя бутылками пива пробрался сквозь плотную толпу к их столику.

Но взгляд Гэвина продолжал буравить Коула.

– Как ты думаешь, почему я открыл это заведение в Кис и покончил со всем остальным? Ты думаешь, что у тебя исключительное право на страдания? У тебя его нет, парень. Работа может любого укунить за задницу.

Официант поставил перед ними две полные бутылки и улыбнулся. Коул мгновенно схватил свою бутылку и поднял ее.

– Твое здоровье. Лучшее место, чтобы *отвлечься*. – Он сделал большой глоток холодного пенного пива из горлышка.

В этот момент зазвонил телефон. Мобильный надрывался где-то там, на краю сознания, прорываясь сквозь музыку, сквозь резкий ритм барабана. Коул чувствовал сильный запах пота и соли. Его кожа и рубашка были влажными.

– Это твой, – сказал Гэвин.

– Что?

– Твой мобильный звонит. – Приятель кивком указал на телефон, жужжавший на столике. – Тебе звонят.

Коул уставился на аппарат, слегка изумленный тем, что ему вообще кто-то звонит. Он взял телефон, нащупал кнопку ответа, поднес аппарат к уху.

– Слушаю.

– Коул Макдона?

Голос. Женский. Шум в баре был слишком сильным. Он заткнул пальцем другое ухо.

– Кто это?

– Меня зовут Оливия Уэст. Я – менеджер на ранчо Броукен-Бар, и я звоню по поводу вашего отца, Майрона. Он... – Ее голос пропал, потом вернулся. – ...решения... врач говорит...

– Алло? Вы пропадаете. Что вы сказали?

– ...нужно... приехать домой...

– Подождите секунду.

Коул посмотрел на Гэвина.

– Мне придется выйти отсюда.

Коул встал, покачнулся, вцепился в стол, выругался, потом протолкался сквозь толпу потных танцующих, пробрался мимо клиентов, сгрудившихся у двери.

На улице стояла такая же душная жара. Коул слышал далекий прибой, разбивающийся о барьерный риф, ощущал во влажном воздухе какой-то сладкий цветочный аромат. Циферблат больших часов на магазине показывал чуть больше полуночи.

Несколько женщин с блестящей кожей цвета черного дерева и в ярких обтягивающих платьях белозубо улыбнулись Коулу, засмеялись. Посыпались непристойные предложения. В их походке было обещание секса. Бездумного гедонистического секса...

Коул опять пошатнулся, вцепился в ограду, чтобы не упасть, и снова поднес телефон к уху.

– Кем вы себя назвали? – Коул запинался. Поверхность океанского прилива фосфоресцировала в темноте.

– Я менеджер с ранчо, Оливия Уэст. Вы нужны отцу. Он умирает.

Мозг Коула забуксовал.

– Прощу прощения?

– Врачи говорят, что ему недолго осталось. Рак вернулся с полной силой. Ему вскоре придется переехать в учреждение, где оказывают круглосуточную помощь. А это значит, что должны быть приняты определенные решения.

– Я на днях говорил со своей сестрой Джейн. Она утверждала, что отец отлично себя чувствует... Он сам ей так сказал.

– На днях? И когда это было?

Коул запустил пальцы в волосы, густые и жесткие от влажного воздуха и соли. Пора стричься. Он об этом даже не думал с тех пор, как... Он не помнил, когда говорил с Джейн. Месяц назад? Сколько месяцев прошло с тех пор, когда от него ушла Холли? Сколько месяцев назад Тай вернулся к своему отцу?

– Вы слушаете?

– А... да. Послушайте, я о вас ни черта не знаю. Но...

В голосе женщины явственно зазвучал гнев.

– Ваш родной отец умирает. Я думала, что вы, возможно, захотите об этом узнать. Я думала, что вы захотите воспользоваться случаем и попрощаться с ним. Но если вам плевать, если вы думаете, что сидеть в кубинском баре...

– Я во Флориде.

– Не важно. Где бы вы ни купались в жалости к самому себе, каждый вечер напиваясь до бесчувствия, это не вернет вам вашу семью. Вы не из тех, кто выживает. Вам это известно? Вы ни хрена не знаете о выживании. Вам знакомо только стремление к самолюбованию.

Шок, потом пьяная ярость взорвали его оцепенение.

– За кого... за кого, *черт побери*, вы себя принимаете? – заорал он в телефон. – Кто вы такая, что позволяете себе говорить о моем...

Но телефон «умер».

– Алло? Алло?

Молчание.

Вот дерьмо. Женщина бросила трубку. Коула трясло от адреналина, гнева, он нажал на клавишу набора последнего номера. Ничего не произошло. Он осмотрел свой телефон. Батарея разрядилась. Он глянул через плечо на мерцающий океанский прилив и снова выругался. Теперь он не мог даже найти номер этой женщины, чтобы перезвонить ей. Как там ее зовут? Оливия?

Коул сунул телефон в карман и положил обе руки на ограждение, приводя мысли в порядок. Он постоял так немного, бездумно наблюдая за океанским приливом, подчиняющимся командам толстой желтой луны.

Его отец умирает. Могло ли это быть правдой?

Где-то в прошлом году Джейн сказала, что у него рак. Но она добавила, что отец еще крепок. Волноваться не о чем. Все под контролем. А признался бы отец, если бы ему было плохо? Нет. Черта с два он признался бы. Так, а *когда* был тот разговор с Джейн? Она звонила ему много дней назад.

Коул с силой потер лоб, пытаясь вспомнить, зачем звонила Джейн. Правильно, она спрашивала, готов ли он поставить электронную подпись под каким-то письмом о намерениях, что-то связанное с продажей ранчо. Он был пьян. Это было в порядке вещей. Он ответил Джейн, что ему все равно, что будет с ранчо, что она и отец могут делать с землей все, что им заблагорассудится.

Потом она прислала ему электронное письмо. В тексте было много мелкого шрифта. Коул не потрудился прочитать документ перед тем, как поставить электронную подпись.

Но теперь, когда он удосужился подумать об этом, стало ясно, что отец ни при каких условиях не согласился бы расстаться со своим драгоценным ранчо. Пока он жив.

Знала ли тогда Джейн, что здоровье отца ухудшается? Попыталась ли она воспользоваться ситуацией?

Такова Джейн. Удивляться нечему.

Коул оттолкнулся от ограждения и пошел по тротуару. Такси. Ему нужно такси.

Из бара выбежал Гэвин и бросился за ним.

– Коул! Подожди!

Гэвин нагнал Коула и схватил за руку, когда тот переходил дорогу.

– Ты куда?

Макдона повернулся лицом к другу. Блэк застыл, увидев выражение его лица в свете уличного фонаря.

– Иисусе! Что случилось?

Коул стоял, покачиваясь, пытаясь расставить по местам части головоломки, взорвавшейся в его голове после этого звонка.

– Я собираюсь вернуться в мотель, зарядить телефон. Мне нужно позвонить сестре.

– Кто тебе звонил? Все в порядке?

Нет. Не в порядке. Его отец умирает.

«...вы купаетесь в жалости к самому себе... напиваетесь до бесчувствия каждый вечер, но это не вернет вам вашу семью. Вы не из тех, кто выживает. Вам это известно? Вы ни хрена не знаете о выживании...»

Кем была эта женщина и почему она судит о нем? Что она знает о выживании? Или о семье, которую он потерял?

– Мой отец умирает, – спокойно ответил Коул, хладнокровие и ясность проступили на периферии его затуманенного мозга. – А я даже не знаю, что чувствую по этому поводу. Сделай одолжение: отвези меня обратно в мотель. Мне надо собрать кое-какие вещи, взять паспорт. А потом довези меня до аэропорта.

– Ты пьян.

– Я буду наполовину трезвым, когда сяду на ближайший рейс. К тому моменту, когда мы приземлимся в аэропорту Ванкувера, я буду трезв как стеклышко.

Из Международного аэропорта Ванкувера ему придется добраться до Пембертона. Там он оставил свой легкий двухместный самолет «Пайпер Каб», у друга, снимавшего тот самый дом, в котором когда-то жили они с Холли. Из Пембертона он долетит до Карибу. Как только намерение сформировалось в его мозгу, до Коула дошло: он принял решение вернуться домой. Впервые за последние тринадцать лет. Возвращение блудного сына.

– По крайней мере, ты наконец *протрезвеешь*. Не знаю, сколько еще таких вечеров ты выдержишь, убивая себя. Кто это был? Кто звонил?

– Какая-то женщина по имени Оливия.

Гэвин посмотрел на него в упор.

– Какая-то женщина по имени Оливия только что спасла твою жалкую задницу, знаешь об этом? Ладно, идем.

* * *

Оливия сидела в кровати. Эйс храпел у нее в ногах. Она раздраженно перелистывала книгу Коула. Он бросил трубку, убудок. Остро ощущая личное оскорбление, Оливия испы-

тивала жалость к Майрону. Она поверила, что старику лучше помириться с сыном. Возможно, это было бы хорошо и для его сына. Даром потерянное время.

Что-то в тексте привлекло ее внимание. Она поднесла страницу ближе к глазам, прочла слова.

«Выживание – это путешествие. Этот квест является изнанкой всей Истории. География, культура, эпоха не имеют значения. В том или ином виде история выживания – это такая же история, которую мы увлеченно слушаем, сидя с охотниками вокруг костра. Или слышим из уст астронавта, вернувшегося с горевшего космического корабля, или от женщины, победившей рак. Мы слушаем в надежде узнать, каким волшебством они воспользовались, чтобы победить опасного зверя, одержать решающую победу, одному спуститься с вершин Эвереста и остаться в живых...»

Оливия посмотрела на обложку книги. Там было еще одно фото автора.

На этом снимке в его серо-стальных глазах были искорки того, что могло показаться удивлением. Фотография была сделана где-то в Африке. Кожа Коула загорела до черноты, полуулыбка изогнула его широкий, красиво вылепленный рот. Как будто он знал секрет. Возможно, секрет того, как чувствовать себя живым. Оливия сглотнула. Она увидела фамильное сходство между сыном и отцом, к которому относилась с такой теплотой. И вдруг стало абсолютно ясно, почему ей не понравился Коул.

Причина была не в том, что он излучал сексуальную, бросающуюся в глаза альфа-мужественность. И не в том, что он, казалось, исподтишка показывает средний палец. И не в том, что Оливия завидовала той храбрости, с которой он впивается в жизнь с такой полнотой и таким упорством. Нет, причина не в этом.

Это было медленно осознаваемое признание того, что Оливию тянуло к Коулу. Тянуло так, что это ощущалось ею как опасность. И привлекала не только внешность, но и ум. Оливию заводила мужская красота его прозы, чистые, мускулистые сентенции, выдававшие в авторе скрытое сочувствие. Он зорко наблюдал за миром и человеческой природой в нем.

Мысль о таком человеке, как Коул Макдона, одновременно возбуждала и угрожала. Оливия отложила книгу и погасила керосиновую лампу. Хорошо, что он не придет. Ей бы не хотелось встретиться с ним лицом к лицу. Она не хотела больше находить привлекательным ни одного мужчину. Отвращение в глазах собственного мужа, увиденное ею, когда он безразлично попытался заняться с ней любовью после того, как она излечилась, раздавило Оливию.

Она не собиралась снова проходить через такое разрушительное унижение.

* * *

Юджин видел, как в ее маленьком домике погас свет. Холодный ветер свистел у него в ушах, где-то на далеких черных холмах выл волк. При этом охотничьем зове волосы на его руках встали дыбом. Мысли вернулись к родной долине. Дикая природа. Свобода. Да, он снова ощущал это. После столь долгого времени она – вся целиком – наконец была в зоне достижимости. Он сможет выполнить свою задачу, вернуться к началу, закончить все там, где это началось. Ему понравилось ощущение судьбы во всем этом. Узор был правильным.

Он приехал как раз перед закатом. Осмотрел кемпинг, домики для гостей и персонала, конюшни, большой хозяйский дом. Теперь у него было четкое представление о ранчо. Людей было немного. Как только стемнело, он подошел к хозяйскому дому, заглянул в освещенные окна, пытаясь понять, сколько человек живет в доме, сколько работает.

Тогда-то он и увидел ее через большое панорамное окно на втором этаже. Она разговаривала с седобородым мужчиной в инвалидной коляске. Юджин мгновенно узнал Сару.

Он почувствовал ее всеми фибрами своего существа. Цвет ее волос и то, как они лежали. Овал лица. То, как она наклоняла голову, когда говорила. Линия ее шеи, очертания подбородка.

Он знал Сару Бейкер ближе, чем это удастся любому другому мужчине. Он знал вкус ее рта, вкус самых потаенных уголков ее тела, вкус ее крови и плоти. При этой мысли он сглотнул. Она была в нем, стала частью его.

Юджин уже много узнал о том, как она живет на ранчо. Заметил охотничий нож в ножнах у нее на поясе. Пес у Сары был старым и выглядел так, будто ориентируется он в основном по запаху. Сара уверенно двигалась в темноте, но легкий треск ветки мгновенно напугал ее. Она была стремительной. Настороженной. А это означало, что она до сих пор отлично помнила его. Эта женщина все еще носила в себе тот страх, который он поселил в ней. Юджин удовлетворенно улыбнулся.

Соседний домик явно пустовал. К ее коттеджу не шли телефонные провода. На крыше не было спутниковой тарелки. Труб водоснабжения Юджин тоже не увидел. Телефон Сара носила на поясе. Скорее всего, он был связан с вышкой мобильной связи, которую Юджин видел в горах по дороге на ранчо. К хозяйскому дому шли провода стационарного телефона, на крыше была большая спутниковая тарелка. Скорее всего, она для телевидения. Возможно, есть Интернет. Если не считать этого, то связь во всем районе зависела от единственной вышки. Это было на руку. Особенно с учетом приближающегося снегопада, который Юджин чувствовал в ночном ветре.

По венам побежал адреналин.

Но игра еще не началась. Пока.

Это не станет игрой до тех пор, пока она не узнает, что играет.

Возможно, его послание еще не обнаружили. Он ничего не услышал по радио и не прочел в газетах, в которые заглянул на заправке в Клинтоне по дороге в Броукен-Бар. Но послание должны обнаружить в ближайшее время. Что это было за послание!

Он подвесил тело в рощице трехгранных тополей у самой дороги.

Возможно, завтра или послезавтра он вернется в город, купит газету и все остальное, что ему необходимо. Еще несколько дней, и Сара будет его.

Негромко заухал филин. Невидимые крылья просвистели между деревьями. Юджин дождался, чтобы на него опустилась тяжелая и холодная мантия ночи, и на траве в свете восходящей луны засверкал иней. Созвездия на небе сместились, и тогда он, словно призрак, растворился в темноте.

Он вернется утром и принесет ей первый маленький подарок. Пора беззвучно возникнуть на периферии ее сознания.

Глава 4

Международный аэропорт О'Хара.

Пятница.

Коул бросил спортивную сумку возле стойки с кофе, оценивая свою мотивацию, заставившую его вообще сесть в самолет.

Коулу нашли место на рейс через четыре часа после того, как Гэвин привез его в маленький аэропорт Флорида-Кис. В Майами потребовалось три часа, чтобы пересесть на рейс до Ванкувера с посадкой в аэропорту О'Хара. За окнами терминала над Чикаго появилась неяркая оранжевая полоса зари. Коула преследовала страшная головная боль. Он чувствовал себя так, словно в стране снов висел между днем и ночью, пытаясь догнать время, двигаясь на запад. У него даже появились мысли о том, что он придумал звонок Оливии Уэст в пьяном угаре.

Коул заказал двойной эспresso и отправился искать нужный выход на посадку. Зря он это затеял. Коул – последний человек на земле, которого его отец захотел бы видеть, особенно если старый скряга ослабел. Его старик терпеть не мог показывать свою слабость. Особенно сыну.

Куда более хитрая темная мысль пронеслась у него в голове, когда он отпил кофе из картонного стаканчика: учитывая многолетнее отсутствие, от его неожиданного появления на ранчо в дни смертельной болезни отца будет разить бессовестным авантюризмом. Меньше всего на свете Коулу хотелось, чтобы его отец подумал, будто ему что-то от него нужно. Наследство. Часть ранчо. Он сказал Джейн правду. Они могут делать что угодно и с самим местом, и с его призраками.

Коул нашел свободное кресло возле нужного выхода на посадку и открыл ноутбук. В голове стучало, мозг был в тумане. Пока открывалась программа, он позвонил Джейн в Лондон. Когда он попытался связаться с ней перед вылетом из Майами, сестра не взяла трубку.

На этот раз она ответила после третьего гудка.

– Говорит Джейн, – ответила она со своим заимствованным четким британским акцентом. Его сестра всегда была такой фальшивой.

– Это Коул. Ты знала, что отец умирает? Это правда?

Повисло молчание.

Коул выругался про себя.

– Черт подери, Джейн, ты *знала*?

Вздых.

– Нет. Не совсем. Не знала, пока сегодня утром в жуткую рань мне не позвонила управляющая его ранчо и не сообщила, что отца придется поместить в хоспис. Честно говоря, это был шок. Я знала, что у него рак, но отец сказал мне, что после химиотерапии с ним все в порядке. Отец говорил, что у него ремиссия. Получается, он лгал. И в этом нет ничего нового. Всегда «отлично, все отлично», ты же его знаешь. Я пыталась тебе дозвониться. Ты где?

Он глубоко вдохнул, наблюдая за отцом и сыновьями, которые толкали свой багаж. Они напомнили ему о Тае. О Холли. О потерянных шансах.

– Аэропорт О'Хара. Я еду домой.

– Что?

– Я нашел место в самолете и лечу домой.

– Я... ну... я... Нет, это хорошо. – Джейн откашлялась. – Это действительно кстати, потому что мы с Тодди в данный момент приехать не можем. Ему светит место посла в Бельгии. Когда окажешься на ранчо, дай мне знать, как дела у папы, настолько ли все серьезно, как говорит управляющая ранчо, и нужно ли мне приезжать.

Коул закрыл глаза, сжал пальцами переносицу, досчитал до десяти, потом сказал:

– Кто эта управляющая ранчо, эта Оливия Уэст? Ты что-нибудь знаешь о ней?

Снова странное замешательство.

– Я полагаю, она работает на ранчо инструктором по рыбной ловле и управляет хозяйством в целом. Я впервые говорила с ней. – Голос Джейн дрогнул. – Послушай, по поводу папиного завещания...

– Боже, Джейн, прекрати. Немедленно.

– Но ты с нами, верно? Готов продать ранчо?

– Интересно, а как они на тебя вышли? Когда ты позвонила мне в Гавану и заговорила о продаже, у меня создалось впечатление...

Коул негромко выругался. Он совершенно не помнил, что именно ему говорила Джейн. Не имел ни малейшего представления о том, что она заставила его подписать.

– *Почему* ты позвонила мне по поводу продажи? Если ты думала, что с папой все в порядке?

– Потому что ко мне с этим предложением обратился Клейтон Форбс. – Ее голос зазвучал резко, сестра как будто защищалась. – Он рассказал мне о разных возможностях, потому что... Да потому, что со мной легче говорить, чем с нашим отцом, согласись. Форбс надеялся, что я сумею направить процесс по нужному руслу, если я... мы заинтересованы.

– В чем точно мы заинтересованы?

– Ты шутишь, да? Ты же подписал документ.

– Я не помню, что подписывал.

– Вероятно, ты был мертвецки пьян, вот почему.

– Пойди навстречу, Джейн. Освежи мою память.

Она негромко выругалась.

– Форбс хотел выяснить позицию нашей семьи, потому что существует невероятно удачная возможность для развития крупного поместья. Он хотел быть уверенным в нашей позиции относительно продажи ранчо до того, как начать вести переговоры с финансистами, заказывать планы, исследование воздействия на окружающую среду и все в таком духе.

– Финансирование? Планирование? Для *Броукен-Бар*?

– Да. Для дорогостоящего коммерческого развития частных владений.

У Коула голова пошла кругом.

– Папа *никогда* бы на такое не согласился. Никогда.

– Но мы согласились.

– Ранчо не наше, чтобы мы его продавали.

– Избавь меня от этого, Коул. Папа болен. Никто не живет вечно. Я прагматик, только и всего, и Клейтон такой же. Он знает, что папа оставит собственность нам. И я знаю, что ты не хочешь иметь ничего общего с этим местом. Поэтому в чем проблема?

Коула при мысли о Клейтоне Форбсе охватили темные чувства. Его преследователь в школе. У Форбса всегда было коварное, двуличное, агрессивное отношение к жизни и людям.

– Что я подписал?

– Документ о намерении войти в добровольные переговоры с девелоперской компанией Форбса, когда мы унаследуем Броукен-Бар.

Дерьмо. Коул сильнее сжал пальцами переносицу.

По громкой связи объявили посадку на рейс.

– Мне пора. Я позвоню тебе, как только доберусь.

– Подожди. Есть еще кое-что. Клейтон считает, что управляющая папиным ранчо оказывает на него ненужное влияние. Он считает, что она нацелилась на часть наследства, если не на все наследство целиком. Если все получит она, то продавать она не захочет. Вся сделка может рассыпаться.

– И почему Форбс так считает?

Коул смотрел, как пассажиры первого класса выстраиваются в очередь. На его билете стояла буква *D*. Дешевое место.

– Не знаю. Он позвонил мне по этому поводу и предложил, чтобы мы что-то с этим сделали.

– Когда он звонил?

– Да не помню я, Коул. Недавно.

– То есть сегодня утром? После новости о том, что папе придется переехать в хоспис?

– Послушай, мне тоже нужно бежать. У детей школьный поход. Просто позвони мне, когда будешь там, и дай знать, как папа. И проверь эту Оливию, ладно? Судя по всему, никому доподлинно не известно, откуда она, из какой семьи. Она молода и очень привлекательна, и папа, кажется, к ней равнодушен. – Джейн повесила трубку.

Коул с шумом выдохнул. Господи, во что он только что ввязался? Увлечение Майрона молодой женщиной казалось невозможным, он слишком горько оплакивал потерю жены. Но так было тринадцать лет назад, когда Коул в последний раз виделся с отцом. Мысли мгновенно вернулись к сложенной фотографии, которую он всегда носил в бумажнике, к причине того, почему он много лет назад потерял любовь отца. Но Коул быстро загнал мысли о Джимми и матери как можно дальше. Он не хотел на этом задерживаться, но знал, что возвращение домой означало встречу с этими воспоминаниями.

Когда к стойке регистрации пригласили следующий отсек, Коул быстро переключил внимание на ноутбук и открыл сайт ранчо Броукен-Бар. Он вывел на экран страницу персонала и кликнул на фотографию и биографию Оливии Уэст. Ее лицо заполнило экран.

Девушка-ковбой. Никакого макияжа. Чистые зеленые глаза, напоминавшие цветом хвойный лес и мох. Прямой взгляд. Черты лица дышат жизненной силой. Волосы теплого каштанового цвета падают густыми волнами на плечи. Полные губы, красивый рот. На шее – красный с белым платок. Клетчатая рубашка на пуговицах, ковбойская шляпа. Привлекательность Оливии была неброской, спортивной. Краткие сведения сообщали о том, что она работала инструктором по рыбной ловле на севере. Юкон. Аляска. Северо-западные территории. Она работала поварихой в далеких лагерях лесорубов и на скотоводческом ранчо в Северной Альберте. Последние три года она провела в Броукен-Бар.

Коул копнул глубже, проверил лагеря, упомянутые в ее биографии. Все было на поверхности, но сестра оказалась права. Он не нашел ни одного упоминания об этой Оливии Уэст старше восьмилетней давности. Никаких связей в соцсетях. Ноль. Он услышал, что на посадку приглашают его отсек, закрыл ноутбук, взял сумку. Когда Коул встал в очередь, в памяти всплыли слова Оливии...

«...Вы не из тех, кто выживает. Вам это известно? Вы ни хрена не знаете о выживании. Вам знакомо только стремление к самолюбованию...»

Что такого *она* знала о выживании, что так рассердилась на него? Он практически ничего о ней не знал, а вот она определенно была в курсе его личной жизни. Эта женщина оценила его и сочла ненормальным. Коула охватило любопытство.

Он протянул свой паспорт и посадочный талон.

Женщина с загадочным прошлым? Оказывающая ненужное влияние на его упрямого отца, мужчину, поставившего на пьедестал свою погибшую жену в ущерб всей остальной семье? Маловероятно.

Как маловероятно было и то, что Коул возвращается домой после всех этих лет.

* * *

*Ранчо Броукен-Бар.
Пятница. Рассвет.*

Ночью температура опустилась ниже нуля. Внизу, рядом с причалом, сверкали бриллиантами инея красные ягоды шиповника и сухие листья. Солнце еще не появилось из-за гор, туман призрачными завитками поднимался от гладкого, как зеркало, озера. На мелководье, не тревожа спокойную поверхность, шныряли форели.

На холмах раздались выстрелы, эхом отозвавшись в долине. Оливия плотнее закуталась в куртку-пуховик. Подмерзшая трава похрустывала под сапогами, пока Оливия прокладывала для Эйса маршрут длиной в полмили, раскладывая по дороге предметы с ее запахом: кусочки ткани, кожаную перчатку, деревяшку, пластиковые завязки для мешков, заколку для волос... Все эти предметы Оливия ночью держала под простыней, чтобы они впитали ее запах. Оливия все никак не могла забыть грубость Коула Макдоны. Высокомерный, любующийся собой пьяница. Что это за мужчина, если ему наплевать на умирающего отца?

И все же она испытывала эгоистичное облегчение от того, что он не приедет.

Проложив тропу для Эйса, Оливия вернулась обратно к своему домику и взбежала по трем ступенькам на маленькое крыльцо, смотревшее на туманное озеро. Где-то на воде закрывала гагара.

За дверью подвывал Эйс, громко втягивая носом воздух.

– Эй, старина, иди и жди на своей подстилке, – велела ему Оливия, когда пес попытался сунуть нос в щель, как только приоткрылась дверь.

Он послушался и, вздыхая, мутными глазами следил за хозяйкой, пока она брала поводок и шлейку.

Присев на корточки у задней двери с поводком и шлейкой в руке, Оливия позвала пса.

– Давай, мальчик, хочешь пройти по следу? А? Тогда иди сюда!

Эйс, радостно виляя хвостом, подбежал к ней. У Оливии странно защемило сердце, когда он попытался лизнуть ее в лицо, пока она надевала на него ошейник и поводок. Она любила пса всем сердцем. Ему было около восьми лет, не возраст для немецкой овчарки, но у него было непростое начало жизни, и это уже сказывалось. Зубы стерлись почти до корней, и с суставами были проблемы. К тому же Эйс начинал слепнуть.

Оливия нашла его три года назад на заброшенной лесной дороге вскоре после того, как вышла из больницы. Повязки на запястьях были еще свежими, и из больницы Оливия направилась напрямик в винный магазин. Ее целью было заехать подальше в лес, напиться и все-таки свести счеты с жизнью, но так, чтобы в этот раз рядом не нашлось доброго самаритянина, оказавшегося парамедиком и спасшего ее.

Она неплохо заправилась водкой, и ей вообще не следовало бы садиться за руль. Правда, была почти зима, лесовозные дороги опустели, и Оливия ехала куда глаза глядят. Она сбросила скорость, заметив что-то черно-белое, лежавшее на обочине дороги. Сначала она решила, что кто-нибудь сбил лесное животное. Но что-то заставило ее остановиться.

С ужасом она поняла, что это собака и она жива: мешок с костями под плешистой шкурой, не имеющий сил ходить, и с такими умоляющими глазами, что у нее едва не разорвалось сердце. Оливия осторожно ощупала тело собаки и обнаружила сломанные кости. Она отнесла грязное, дурно пахнущее, блохастое животное в свой грузовичок. Сбросив с сиденья наполовину пустую бутылку водки, Оливия разложила на пассажирском сиденье свою куртку вместо подстилки, чтобы придерживать пса рукой, пока будет вести машину. Потом она развернула машину и направилась обратно к цивилизации в поисках ветеринара.

Эйс стал поворотным пунктом в ее жизни. Он заставил ее думать не только о себе, подавив цель в жизни.

Ветеринар определил, что псу примерно четыре года от роду, но добавил, что точно сказать невозможно. Скорее всего, большую часть жизни он провел на привязи: веревка буквально выросла ему в шею. Это сразило Оливию. Она знала, каково это, и в эту минуту поняла, что никогда не сможет предать пса.

Эйс ее спас. Эйс подарил ей безоговорочную любовь. И Оливия щедро дарила любовь в ответ. Эта любовь начала постепенно заживлять раны у нее внутри.

Оливии пришлось снять комнату в мотеле в этом крохотном северном городке, где она дожидалась, пока Эйс полностью поправится. В единственном в городе ресторане-закусочной она нашла на столике газету, в которой было сказано, что Себастьян Джордж – Убийца из Уотт-Лейк – повесился в своей камере. Оливия ошеломленно тарасилась на газету до тех пор, пока официантка не спросила, все ли с ней в порядке.

Тогда она решила, что Эйс ее талисман. Ее ангел-хранитель. Потому что в той же самой газете было и объявление о работе: Майрон искал инструктора по рыбной ловле для своего ранчо Броукен-Бар. Для этой работы у Оливии была квалификация. Вместе с работой она получила домик у озера. Место было сезонным, но могло стать и долгосрочным, круглогодичным, если работник был готов взять на себя дополнительные обязанности по уходу за лошадьми. Идеальное место, чтобы Эйс мог бегать на свободе.

А для нее это был повод, чтобы начать все сначала, но на этот раз уже зная, что *он* мертв. Умер и превратился в пепел в каком-нибудь тюремном крематории.

Она устроила Эйса в грузовичке, поехала на юг и встретила с Майроном, который сумел увидеть нечто большее в той развалине, какой тогда была Оливия, и нанял ее. В Броукен-Бар она нашла покой и дружбу. Она нашла дом.

Эйс, ранчо и Майрон образовали скелет, позвоночник, вокруг которого она могла выстроить новую жизнь. Теперь она теряла Майрона и с максимальной вероятностью свой дом тоже. Даже Эйс потихоньку угасал. Оливия гадала, не растечется ли она бесформенной лужей без поддержки этих «костей».

Оливия вывела пса из домика и повела к озеру, где раньше оставила подушечку с запахом в начале тропы со следами. Эйс энергично натягивал поводок.

Ветеринар в Клинтоне сказал, что в течение года пес, вероятно, полностью ослепнет. И хотя он успешно искал предметы и без поводка шел по следу человека, Оливия опасалась, что он может свалиться с утеса или подвергнуть себя какой-то другой физической опасности. Поэтому она начала натаскивать его на поводке, Эйсу приходилось идти медленно, опустив нос, чтобы методично переходить от одного предмета к другому. Чаще всего это было только развлечением. Они просто проводили время вместе. И эта забава совпадала с той страстью, которую Оливия питала к поискам следов.

Она открыла большой пакет на застегжке. В нем был свитер, который она уже надевала, она дала его понюхать Эйсу.

– Ищи, Эйс, ищи.

Он сунул нос в пакет, запоминая запах, который ему предстояло найти, затем понюхал землю вокруг, ища совпадения, громко втягивая ноздрями воздух. Когда пес почуял подушечку, которую оставила для него Оливия, он натянул поводок и устремился вперед, опустив нос к земле, зигзагами передвигаясь от одного запаха к другому по покрытой ином траве.

Оливия не выпускала поводок и бежала следом, ее дыхание превращалось в пар, растворяясь в белом тумане. Они быстро двигались вдоль берега озера, а затем вверх, на поле, где она оставила «коробку» и «лестницу» с запахами. Эйс легко справился с углами «коробки». Оливия следила за псом, дожидаясь того момента, когда он потеряет запах. Это случилось в конце «лестницы». Как только Оливия поняла это по его позе, она ослабила поводок, позволяя Эйсу работать по более широкой дуге, пока не увидела, что он поймал запах на вершине следующей «лестницы».

– Хороший мальчик, Эйс. Отлично работаешь, – задыхаясь, произнесла Оливия, двигаясь следом.

Пес замедлил бег и неожиданно лег. Между его лапами, у кончика носа лежала перчатка, первый предмет из тех, которые она оставила.

– Да! Молодец, парень! – Оливия подняла перчатку и убрала ее в мешок, потом снова опустила руку к земле. – Ищи, Эйс. Продолжай искать.

Они добрались до упавших сухих деревьев. Эти ели погубил короед, они стали сухими, ломкими и внушающими суеверный ужас. Появление женщины и собаки напугало двух огромных серых оленей, которые рванулись через сухие ветки к болотистому участку.

За каждый найденный предмет Оливия щедро хвалила Эйса. Они прошли почти четверть мили, уже преодолели гребень, когда Оливия увидела другие следы на замерзшей траве.

Мужские следы.

Она замедлила бег, чтобы рассмотреть их. Следы от сапог. Большого размера.

Судя по примятой траве, человек шел в том же направлении, что и она, когда оставляла следы для Эйса. Размер обуви примерно двенадцатый³. Широкий шаг. И трава примята недавно. Оливия подняла глаза, рассматривая линию следов. Они шли параллельно ее сложной системе следов в форме «коробки» и «лестницы». Волосы на затылке встали дыбом.

Оливия сказала себе, что это всего лишь совпадение.

– Вперед, Эйс, ищи.

Пес снова натянул поводок. В душе остался неприятный осадок. Что-то было не так. Эйс нашел следующий предмет, обнюхал его и прошел мимо.

– Эй, полегче, мальчик! Вернись. Ты пропустил предмет.

Оливия натянула поводок и присела на корточки, чтобы подобрать пропущенный предмет. Шарф. Не ее.

Не ее запах. Вот почему Эйс не отреагировал.

Шарф был мягкий, кашемировый, сочетание цветов – жженный оранжевый, золото, охра, рисунок – стилизованный узор из кактусов и плоских холмов. На крошечном ярлычке, вшитом в шов, было написано «Ручная работа, Лулу Дизайн, Аризона». Оливия похолодела. Огляделась.

Эйс в ожидании сел, тяжело дыша. Внимание Оливии вернулось к следам, параллельным проложенному ею маршруту и расположенным слева от него, потом она посмотрела на темный хвойный лес, в который они направлялись.

Солнце еще не взошло, среди деревьев оставались глубокие тени. Оливия пристально посмотрела на эти тени, пытаясь уловить движение.

Ничего.

Она медленно повернулась, тщательно изучая то, что ее окружало. Над головой пролетел ястреб.

Утка в панике захлопала крыльями. Когда крыльями хлопает гривастый тетерев, звук такой же. Перья ворона издавали другой звук в потоках воздуха. На озере из воды выпрыгнула рыба и плюхнулась обратно. Все было нормально.

Оливия еще раз посмотрела на деревья. И на этот раз ее охватил леденящий холод. Что-то *находилось* в этих деревьях, темное, реальное, и оно смотрело на нее. Она чувствовала это нутром.

Двенадцать лет назад ей следовало бы поверить своему нутру.

Сейчас она ему верила.

– Ладно, Эйс, – шепнула Оливия, опускаясь рядом с Эйсом на корточки, снимая шлейку для поиска и меняя ее на обычный поводок. – Мы закончили. Давай возвращаться, мальчик.

Пес выглядел сбитым с толку, когда Оливия быстро повела его к тропинке, где не было деревьев и на которой ее будет видно из окон хозяйского дома.

Когда они ступили на тропинку, над горизонтом показалось солнце, и на поля легли его теплые желтые и красные лучи. Иней сразу же начал таять, и от травы мгновенно начал под-

³ Российский размер 44 (прим. переводчика).

ниматься пар. Озеро сменило цвет с тускло-серого на глубокий бирюзово-зеленый, и ранчо вдруг стало идеальной картинкой осени с белыми стволами осин и дрожащими золотистыми листьями. С тропинки Оливия видела лодки, направлявшиеся к кемпингу. Напряжение отпустило ее.

Собственные страхи вдруг показались абсурдными. Настроение улучшилось, и мысли вернулись к горячему кофе, который она оставила вариться, и о завтраке, который она съест перед тем, как отправится по делам.

Но когда они с Эйсом подошли к коттеджу, Оливия заметила что-то на коврике у двери. Она поднялась по ступенькам и задержалась на мгновение, разглядывая маленькую корзинку дикой черники.

Слова, ничем не сдерживаемые, закружились у нее в голове, словно дым, его голос звучал, словно мягкий бархат поверх гравия. Воспитанный, соблазнительный, возбуждающий. Темный...

«На берегу реки в зарослях появились ягоды прекрасной дикой черники, Сара... С ними получится замечательный пирог ко Дню благодарения...»

У Оливии пересохло во рту. Ее мир сузился. Руки затряслись.

На холмах раздался выстрел из охотничьего ружья. Кожа Оливии покрылась потом, несмотря на утреннюю прохладу, спираль времени начала раскручиваться в обратную сторону, вызывая болезненную тошноту. Оливия увидела его глаза. Они смотрели на нее. Светло-янтарные, как у кугуара. Прозрачные, словно мед из иван-чая. Опушенные густыми темными ресницами. Его улыбка – зубы такие белые и безупречные. Дикие черные кудри цвета воронова крыла. «Сара...»

«Нет».

Она вцепилась в перила крыльца.

«Прекрати».

«Никаких возвращений к прошлому».

«Ты не жертва. Не пленница прошлого. Воспоминания под запретом. Он мертв. Его больше нет. Ты в безопасности. Сара умерла вместе с ним. Ты – Оливия. Это твое убежище. Никто не может отобрать его у тебя. Не оглядывайся назад...»

В душе Оливии медленно разгорался гнев. Она подобрала корзинку с ягодами и открыла дверь. Войдя в дом, Оливия разожгла огонь так, что пламя свирепо заревело. Она накормила Эйса завтраком и налила себе крепкий кофе. Сделав долгожданный глоток горячего темного напитка, она позволила ему обжечь горло, и это ощущение вынудило ее вернуться в настоящее.

«Сохраняй спокойствие. Оставайся сосредоточенной».

Появлению шарфа и черники наверняка было простое объяснение. Должно было быть. Она его найдет.

Оливия допила кофе, Эйс покончил с завтраком. Она схватила шарф и корзинку с ягодами и широким шагом направилась к хозяйскому дому.

* * *

На полках магазина спортивных товаров и товаров для лесорубов он нашел веревку, болторез, клейкую ленту, тиски для вязания мушек, клещи, пакеты с шерстью бобра, несколько ярких петушиных перьев, перья шотландской куропатки, моток геодезической мерной ленты цвета лайма, пакетик ярко-красных блестящих бусин, дверные крючки с петлями размера 1/0 и 2/0 и моток голографической нити. К этому он добавил походный разделочный нож с небольшим бугорком на лезвии. У лезвия была странная форма в виде листика дерева, но как только его кончик вонзится в подбрюшье животного, достаточно будет легкого движения кисти назад, и шкура снимется легко, словно сливочное масло. Этот разделочный нож отлично дополнит

универсальный нож, который уже был у Юджина и хранился в доме на колесах. Этот нож сделал бы намного приятнее все происходившее у реки Биркенхед позапрошлой ночью.

По дороге на ранчо ему удалось стащить в охотничьем лагере оружие: «ремингтон» калибра 308 с продольно-скользящим поворотным затвором, помповый винчестер калибра 12 и несколько коробок патронов. В этой стране владение оружием строго регулировалось. Купить ружье без необходимых документов не представлялось возможным. Юджин был доволен этим приобретением. У ружья был хороший вес, идеальный для охоты на оленя в густом лесу. Юджин оставит себе винчестер, а ружье отдаст ей, как это было и во время их последней охоты. Да, это будет вызовом. Да, он может погибнуть. Но в этом смысл настоящей охоты. Охотник всегда должен предполагать возможность собственной смерти, если он охотится на стоящую добычу.

Женщина за кассой спортивного магазина была очаровательной. Она заигрывала с Юджином, пробивая его покупки и беря кредитку. Продащица болтала о надвигающейся непогоде и о крупном олене, которого ее брат подстрелил на выходных. Юджин улыбнулся и встретился с ней взглядом. Он смотрел, как в ответ розовеют ее щеки, как расширяются зрачки. Это напомнило ему девушку в библиотеке. Но теперь для него существовала только одна девушка. У него осталась одна игра.

От магазина спортивных товаров Юджин дошел до маленького супермаркета, где купил продукты. Он взглянул на витрину с газетами и журналами.

Никаких новостей о теле. Его послание еще не было получено.

Завтра он еще раз проделает часовой путь до Клинтон, чтобы проверить газеты.

* * *

Когда Оливия вошла в холл, экономка как раз поднималась с бельевой корзиной по широкой деревянной лестнице.

– Адель! – окликнула ее Оливия. – Это вы оставили для меня корзинку с ягодами у входа в дом?

Экономка остановилась на полпути, нахмурилась и посмотрела на Оливию.

– Нет. С какой стати? Все в порядке?

Та замялась, неожиданно почувствовав себя неловко.

– Мне... просто стало интересно. Записки не было.

– Сегодня утром Джейсон привез с рынка в Клинтоне несколько ящиков овощей и фруктов. Он купил и лесные грибы. Может быть, он или Нелла оставили ягоды.

Оливия испытала огромное облегчение. Да, разумеется, это Джейсон или Нелла. Она запаниковала без причины и нашла связи, которых не было.

– Я спрошу их, спасибо. А если кто-то спросит о потерянном шарфе, то я нашла вот этот на поле, неподалеку от пустующих домиков работников конюшни.

Она подняла шарф так, чтобы Адель его увидела.

Экономка кивнула и снова двинулась вверх по ступенькам.

Оливия отправилась напрямик на кухню. Толкнула дверь, и ее охватило тепло домашнего очага. Что-то восхитительное кипело на газовой плите. Кастрюли из меди и нержавеющей стали висели на кедровых балках над кухонным «островком» с толстой деревянной столешницей. В глиняных контейнерах на широком, залитом солнцем подоконнике росли душистые травы.

Грейс, покойная жена Майрона, спроектировала эту кухню, когда они впервые открыли хозяйский дом для постояльцев. Майрон никогда сюда не заходил. Он чувствовал присутствие жены даже через столько лет после ее смерти.

Оливия поставила корзинку с ягодами на деревянный стол.

– Джейсон! – позвала она шеф-повара, снимая с шеи шарф и заглядывая в кладовую. Там было пусто. Джейсон не мог далеко уйти, принимая во внимание булькающие на плите кастрюли.

Через заднюю дверь она вышла в огород с травами. Джейсона Чена не было и там. Не оказалось и его дочери Неллы.

Когда Оливия снова вернулась в кухню, до нее донесся глухой стук из холодильной комнаты. Дверь туда была приоткрыта, из нее вырывались клубы холодного воздуха.

Оливия уставилась на дверь и похолодела.

Еще один стук.

– Джейсон! – снова позвала Оливия, направляясь к двери, хотя живот у нее сжимался от желания убежать. Распахнув дверь шире, она вошла внутрь. Половина туши убитого животного неожиданно покачнулась и ударила ее в плечо.

– Черт!

Оливия отпрыгнула в сторону, кровь бешено стучала у нее в ушах.

Половина оленьей туши раскачивалась вперед и назад, крюк, на котором она висела, поскрипывал. Рядом с оленем висели две разделанные индейки и несколько тушек дичи. Оливия не могла отвести взгляд от оленя. Освежеванного, с выпущенной кровью, с белыми сухожилиями.

У нее на коже выступил пот. Перед мысленным взором предстало женское тело с частично содранной кожей, подвешенное за шею на крюк для мяса. У женщины были рыжие волосы на голове и на лобке. Оливия ощутила во рту вкус желчи.

– Оливия? – из-за туши оленя вышел Джейсон. – Я только что достал этого красавца, чтобы нарезать мяса для жаркого из оленины. Оно будет в меню завтра вечером. На ужин в пятницу придет целая толпа.

Ее взгляд не отрывался от крюка для мяса. Кровь отлила от головы. Оливия покачнулась, мир начал вращаться по спирали, увлекая ее в черный туннель памяти. Она не могла дышать.

Оливия отступила назад, зацепилась каблуком и пошатнулась.

– Лив? – Повар поймал ее за руку. – Ты в порядке?

– Я... да. – Оливия развернулась и быстро вышла из холодильной комнаты, сердце громко стучало.

Джейсон вышел следом. От удивления у него на лбу появилась морщина.

– Ты бледная как покойник, – сказал Джейсон, когда Оливия вцепилась в спинку стула, чтобы удержаться на ногах. – Ты действительно в порядке?

Оливия услышала крик гусей. Звук доносился через дверь кухни, которую она не закрыла. Оливии вдруг показалось, что на улице весна. Она ощущала ее запах. Она чувствовала запах человеческой крови.

«Нет!»

Гуси летят на юг. Сейчас осень. Ты в Броукен-Бар. Все отлично, черт возьми. Отлично».

Она крепко вцепилась в спинку стула, опустила на минуту голову, стараясь оставаться в настоящем.

– Я... я в порядке. Просто дай мне минуту.

«Не позволяй воспоминаниям возвращаться. Ты не можешь снова дать им волю...»

Кровь снова прилила к голове. Оливия почувствовала, как теплеют щеки. Она медленно подняла голову и выдавила из себя улыбку.

– Прости. Должно быть, я подцепила вирус или что-то еще. У меня на мгновение закружилась голова.

– Дать тебе стакан воды? Или сока? – В узких темных глазах повара появилась тревога.

– Нет, спасибо. Я только хотела поблагодарить тебя за чернику, которую ты оставил сегодня утром у меня на пороге.

Джейсон посмотрел на корзинку с черникой на столе.

– Я этого не оставлял.

Оливия оцепенела.

– Может быть, это сделала Нелла? – Ее голос прозвучал напряженно.

– Не знаю. – Складка на лбу Джейсона стала глубже, когда он посмотрел на Оливию. – Это важно? Я могу ее найти и спросить. Она, вероятно, кормит цыплят или смотрит, как Брэнниган ухаживает за лошадьми.

– Спасибо, не стоит. – Оливия заставила себя коротко рассмеяться, но это далось нелегко.

– Я привез из Клинтон пару подносов с черникой, поэтому Нелла вполне могла это сделать.

– Поблаговари ее от меня, ладно? Я возьму кофе для себя и яблоко для Спирит и уберусь из твоей кухни.

Чувствуя на себе взгляд Джейсона, Оливия налила себе кофе в большую кружку, взяла яблоко из миски на столе и направилась в свой кабинет, расположенный рядом с гостиной.

Эйс был уже там и спал в своей корзинке в лучах желтого солнечного света. Оливия проверила почту на предмет нового бронирования через сайт. Ничего не было.

Если не считать тех, кто приехал вчера ближе к ночи, то это, скорее всего, конец сезона.

Она прослушала голосовую почту, просмотрела зарезервированные столики, чтобы понять, сколько будет гостей за обедом в выходные.

Прежде чем выйти, она просмотрела ежедневную сводку погоды. И очень удивилась. В ближайшее время ожидалась сильная буря. Снег, который должен был пойти во второй половине дня в понедельник. Предсказывали высоту снежного покрова до двух футов. Все выглядело так, будто зима должна была прийти в этом году рано, сразу после длинных выходных. Надо предупредить гостей. В этих местах снег на дорогах не чистили, и после сильных снегопадов грунтовые дороги становились непроходимыми. Их могло отрезать на несколько дней.

Схватив книгу бронирования и считывающее устройство для кредитных карт, достав из сейфа сумочку с наличными, Оливия свистнула Эйсу и направилась к двери. Она помогла псу забраться в кабину и поехала к конюшням, где Брэнниган, грум, как обычно рубил и связывал в вязанки дрова для кемпинга.

Проведав Спирит и скормив ей яблоко, Оливия надела перчатки, опустила задний борт и начала бросать вязанки в кузов грузовичка. От работы она вспотела и вытерла лоб рукавом. Хорошо! Она уже почувствовала себя крепче. Солнце поднималось, быстро теплело. Что бы ни мучило ее этим утром, это прошло. Она с этим покончила.

Когда Оливия приехала в кемпинг, то увидела, что два места заняты новыми гостями. Ближе к ней стоял серый грузовик «Форд», припаркованный поперек въезда. Оливия оставила Эйса в кабине, обошла «Форд» и направилась по тропинке туда, где стоял дом на колесах, отсоединенный от грузовика. Рядом с домом на колесах работал генератор, от которого питался маленький холодильник. Никого не было. Она собралась уже вернуться и записать номера «Форда», когда заметила кровь, струившуюся по стенке холодильника. Оливия застыла.

В ушах зазвенело.

Перед глазами появилась черная пелена, Оливия почти ничего не видела, кроме крошечных искорок света. И вдруг почуяла *его*. Он был у нее за спиной, его горячее дыхание на ее щеке, у ее уха, его шепот.

«Gamos, Сара. Это брак... мы соединены...»

Оливия развернулась, сердце едва не выскакивало у нее из груди. Вокруг стояли скрученные широкохвойные сосны. Черные ветки на фоне неба. Темные деревья закружились вокруг нее, быстрее, быстрее в головокружительном калейдоскопе светлого и темного. Сосновые лапы перешептывались и раскачивались. Перед глазами Оливии снова раскачивалось фиолетово-белое тело рыжеволосой женщины, свисающее с поскрипывающего крюка.

Она увидела блеск ножа.

Сквозь щели сарая ей было видно, как *он* отрезал от тела куски мяса, складывал их в морозильник, и кровь стекала по стенке.

Оливия ухватила за край стола для пикника. Она пыталась вдохнуть. Но легкие были перенасыщены кислородом. Она торопливо вернулась к своему грузовичку. Ветер налетал порывами. Ветки раскачивались.

Сара... Ссссссара...

Она добралась до машины, отодвинула Эйса, села за руль и захлопнула дверцу. Посидела немного. Руки тряслись, на коже выступили капли пота.

«Оливия. Тебя зовут Оливия Уэст. Он мертв. Ты не можешь позволить воспоминаниям вернуться. Ты не можешь вернуться в прошлое...»

Протянув руку, она включила зажигание, нажала на газ, и гравий полетел из-под колес ее грузовичка. Машина пошла юзом. Оливия слишком быстро ехала вокруг озера, за ней клубилась пыль. Когда Оливия добралась до хозяйского дома, ее рубашка промокла насквозь. Руки все еще дрожали. Во рту поселился кислый вкус.

Это происходило снова. Воспоминания возвращались. И все станет только хуже, если она не найдет способ остановить их.

Глава 5

Пятница, ближе к вечеру.

Ванкувер.

В дверь дома постучали. Тори побежала открывать. На крыльце стоял сержант Мэк Якима в джинсах и кожаной куртке.

– Привет, дружок, – поздоровался он и тепло улыбнулся. – Я приехал за твоим отцом, чтобы отвезти его на большую вечеринку в честь выхода на пенсию.

– Он не хочет выходить на пенсию.

Мэк уставился на Тори. Патовая ситуация. Он откашлялся.

– Конечно же, хочет. – Сержант нагнулся к девочке. – Не говори ему, но мы купили в подарок нахлыстовое удилище, о котором он всегда мечтал. Ему не терпится стряхнуть пыль со снастей. Его ждет нирвана рыболова.

– Папе всего пятьдесят шесть, – парировала Тори. – В пятьдесят шесть лет люди выходят на пенсию, только если что-то не так.

– Может быть, ты скажешь ему, что я здесь? – Мэк прошел за ней в дом.

– Папа! – крикнула Тори, подняв голову к лестнице. – Сержант Мэк приехал.

Она протопала мимо него и уселась перед телевизором.

Ее охватило раздражение. Тори крепко сжала руки. Она любила своего папу. Но маму она любила больше всего на свете. Мама погибла по ее вине, ведь это Тори не сумела вытащить ее из снега. У девочки защипало глаза, она сразу вспомнила, как дергались мамины ноги, когда она тянула ее за лыжные ботинки. Все больше снега падало в яму, и он засыпал маму каждый раз, когда Тори пыталась ее вытащить. Потом целая шапка снега упала с дерева над ними и засыпала их обеих. Как будто это было вчера, Тори ощутила спазм в маминых ногах, потом внезапную страшную вялость. Тори тогда закричала, зовя на помощь, но тут сверху снова упал снег, заглушая ее крики.

– Готов к большой вечеринке? – Мэк шлепнул папу по спине.

Тори, делая вид, что смотрит телевизор, украдкой разглядывала мужчин, стоявших в холле. Она видела, что этот жест фальшивый.

– Что случилось с твоей рукой? – спросил Мэк.

Отец поднял правую руку. Она была перевязана. Раньше Тори этого не замечала.

– Разбил вчера вечером, когда перевешивал книжную полку.

Девочка нахмурилась. Она не слышала, чтобы отец перевешивал какие-то полки. Впрочем, вечером она заперлась в своей комнате и слушала музыку.

Папа заглянул в гостиную.

– Тори, ты уверена, что обойдешься без няни?

– Мне почти двенадцать, – резко бросила Тори, отказываясь смотреть на него. Вместо этого она свирепо смотрела в телевизор. Но она знала, почему папа спрашивает об этом: он беспокоился о ее настроении после того случая в школе.

– Я не знаю точно, когда вернусь, дружок. Не полуночничай, ладно?

Тори не ответила.

Когда мужчины выходили за дверь, Тори слышала, как папа сказал:

– Я еще могу сам водить машину, знаешь ли.

Мэк искренне рассмеялся.

– Нет, после выпивки сегодня вечером ты этого не сможешь.

Дверь хлопнула. Тори слышала, как их шаги прохрустели под окном, увидела макушки отца и Мэка.

Она встала, подошла к окну.

Посмотрела, как они садятся в машину Мэка, выезжают задним ходом с подъездной дорожки и уносятся прочь. Убедившись в том, что они уехали, Тори поспешила наверх, в кабинет отца. Дверь туда не запиралась. Тори открыла ее. Пульс участился, когда Тори направилась к шкафу с папками. Она видела, что отец убирал туда складывающуюся гармошкой папку с вырезками из газет и фотографиями с места преступления. Отец попытался спрятать их от нее, но один снимок упал на пол. Черно-белое изображение женского тела. Тори потянула на себя ящик шкафа. Он был заперт. Она порылась в ящиках отцовского письменного стола. Ключа нигде не оказалось.

Тори постояла, обдумывая ситуацию. Ее отец изменился. Все изменилось с тех пор, как погибла мама. Он прятал какие-то вещи, становился все более странным, вспыльчивым и далеким. Тори это злило. У нее появлялось такое чувство, будто он забывает маму. Забывает Тори. Забывает ту семью, какой они были раньше. Тори овладело безрассудство, подстегиваемое болью.

Она включила отцовский компьютер и застыла, услышав шум колес на мокрой мостовой за окнами. Но автомобиль проехал мимо их подъездной дорожки.

Компьютер отца был защищен паролем. Ни одно из тех слов, что она вводила в окошко, не сработало. Тори выключила компьютер, развернулась во вращающемся кресле и снова задумалась. Потом она встала и быстро прошла в смежную комнату, которая раньше служила кабинетом матери.

Осторожно открыв дверь, Тори вошла внутрь.

В кабинете было холодно, отопление отключено.

Тори все еще ощущала аромат материнских духов. Всюду были книги. На маленьком столике с безделушками, которые мама собирала многие годы, стоял ноутбук. Панорамное окно впускало много света, несмотря на штормовое небо. Скамья для чтения с подушками в розово-зеленый узор из махровых роз занимала всю ширину окна.

Красивая комната. Неяркая и нежная, с акцентами цвета голубоватой фуксии, которые подчеркивали игривость, свойственную матери, а Тори напоминали искорки в ее глазах. И легкую улыбку, которая так часто изгибала мамины губы.

Мама была успешной писательницей. Именно в этой симпатичной, успокаивающей комнате она написала самые мрачные свои романы, детективы и триллеры. Критики утверждали, что они написаны по заголовкам газет и обычно основаны на реальных преступлениях. В романах всегда был настоящий секс. Насилие. Тори не разрешали их читать, но она нашла книги в публичной библиотеке и в Интернете и все равно их прочла.

Учительница английского сказала, что Тори унаследовала от матери талант к писательству. Другие говорили, что она похожа на маму внешне и во многих других отношениях. Тори всем сообщила, что тоже когда-нибудь станет писательницей. У нее щипало глаза, когда она дотрагивалась до вещей матери. Тори взяла рамку с фотографией, на которой они были троим. Три мушкетера, так их обычно называл папа. Мысли Тори вернулись к словам, которые сказал пастор в церкви на погребальной службе, как он говорил о том, что ее мать теперь в *лучшем* месте. С Богом.

Какой Бог сотворил такое? Украл человека, которого ты любила больше всего на свете? Почему то место *лучше*?

С болью в сердце Тори поставила фотографию на место и свернулась калачиком на скамье у окна, где мама обычно читала ей. Крепко прижав к груди маленькую подушечку, Тори смотрела на дождь за окном. Небо было нависшим и серым, как военный корабль. Тори не могла разглядеть горы на другом берегу. Все время ревели корабельные сирены.

Еще крепче прижав к себе маленькую подушку, Тори заснула, ей снились плохие сны. Она проснулась с криком. Сердце билось часто-часто. На улице темнело. Дрожа, Тори встала со скамьи, подняла крышку, чтобы взять мягкий шерстяной плед, который связала мама.

В ящике скамьи на аккуратно сложенном пледе лежали напечатанные страницы рукописи, перетянутые резинкой. Тори включила лампу и взяла рукопись. Прочла титульную страницу.

Обещание

Мелоди Вандербильт

У Тори перехватило дыхание. После несчастного случая она не открывала скамью и рукопись не видела. Она неуверенно коснулась слов, черных на белом. Более долговечных, чем плоть. Слова, которые ее мать перенесла на бумагу. Слова, которые пережили ее. Тори показалось, что грудь вот-вот разорвется от боли. Мама как-то сказала ей, что слова – это что-то вроде волшебства, древних рун, символов. Если ты знаешь, как открыть их и раскодировать, то в твоей голове появятся заколдованные истории, люди и события.

«Над этим ты работала, мама, когда оставила нас?»

На страницу упала слеза, оставила серый след и напугала Тори: она даже не почувствовала, что плачет. Тори сняла с рукописи резинку и отложила титульную страницу. Под ней оказалась страница с посвящением.

«Посвящается моей дорогой Тори. Эту историю ты прочтешь, когда будешь готова. Я буду всегда любить тебя, даже больше, чем ты сможешь представить...»

У Тори колотилось сердце, когда она читала эти строчки. Почти бессознательно она опустила крышку скамьи и снова села на нее. Завернувшись в плед, она начала читать:

«ПРОЛОГ

Это началось, как начинаются все встречи, когда пересекаются пути. Молчание, приветствие, взгляд, прикосновение... И вы необратимо меняетесь благодаря этому. Иногда это взаимодействие очень легкое, подобное прикосновению переливающейся стрекозы, присевшей на тыльную сторону руки. Но оно может оказаться и землетрясением, которое покачнет ваш мир, врежется в самые основы и направит вас по новому пути. Этот момент настал для Сары, когда он впервые вошел в магазин.

Звякнул колокольчик, ворвался поток холодного воздуха. Чувствуя, что вошло нечто необычное, она подняла глаза.

Его глаза задержались на ее лице. Он ее рассматривал, и от этого у нее в животе похолодело. Обычно она улыбалась и здоровалась, но в этот раз она инстинктивно отвела глаза и продолжала заниматься счетами. И все же она чувствовала на себе его взгляд: грубый, откровенный, ощупывающий, пока он шел к прилавку, за которым она работала.

– Доброе утро.

Ей пришлось посмотреть в эти внушающие ужас светло-янтарные глаза. Как у кугуара. Дикого хищника.

Он улыбнулся. И это было завораживающе. От этой улыбки в ее животе заворчалось что-то низменное и горячее. Его давно не стриженные волосы были цвета чернил. Но ничего неприятного. Он немного напомнил ей того актера, Руфуса Сьюэлла. Такие же кудри. Такой же напор. Высокий. Загорелый. Скуластый. Красивые пальцы, сильные кисти.

Она помогла ему выбрать бусинки – серебристые, красные – нить, шерсть бобра, перья, крючки. Когда она пробивала его покупки, он позволил своей руке коснуться ее пальцев.

И в этот момент Сара немного обрадовалась тому, что сегодня с ней в магазине не было Этана. Вам знакомы такие моменты? Они для вас ничего не значат. Вы никогда не станете изменять. Но они зажигают в вас искорку. От них мир становится лучше. Они заставляют вас почувствовать себя живой и сексуальной. Короче говоря, они помогают вам ощутить, что вы живете.

Возвращаясь потом к этой минуте, Сара решила, что именно в этот момент он выбрал ее. Отобрал из кучи. Как волк выбирает в стаде свою жертву.

Он не торопился. Играл с ней. С конца лета до осенних холодов он заходил регулярно, дважды в неделю. И почти всегда в те дни, когда Этана в магазине не было. Ей нравилось представлять, что незнакомец намеренно пользуется случаем.

Как же мало она знала. Потому что он действительно следил. Планировал. Все.

Потом, когда до Дня благодарения оставалось совсем чуть-чуть, он сказал ей, что стальноголовый лосось поднимается вверх по реке Стина-ривер.

Она связала для него мушку, используя узор, который придумала сама. Этот узор всегда приносил ей удачу с этой серебристой рыбой, бойцовым стальноголовым лососем.

– У мушки есть название? – спросил незнакомец, когда она отдавала ему мушку.

– «Хищник». – Сара улыбнулась. Слегка смущенно.

Его глаза потемнели, и ее сердце забилося быстрее. Голос мужчины стал низким.

– Отличное название.

Он смотрел на нее несколько тяжелых, молчаливых мгновений. Она почувствовала рефлекторное влечение, даже волосы на ее руках потянулись к нему, словно под действием статического электричества. Он наклонился ниже, и у нее пересохло во рту. И он сказал ей о дикой чернике. На берегу реки.

Она проглотила наживку.

Она пошла за ягодами.

Домой она не вернулась».

У Тори зачастил пульс, когда она быстро перевернула страницу и положила ее рядом с собой на скамью. Тори начала читать следующую страницу.

* * *

Оливия открыла дверь в курятник и вошла. Птицы суетились и кудахтали вокруг ее сапог. Эйс лежал с другой стороны ограды, голова между лапами, и внимательно смотрел, как она наполняет кормушки. День клонился к закату. Ветер изменился, и все краски приобрели теплый оттенок в лучах низкого солнца. Но внутри Оливия ощущала холод. Как будто чернильный яд прошлого просочился в трещины, появившиеся в ее психологических доспехах. И теперь ей придется потратить чертову уйму времени, чтобы избавиться от него.

Наполнив последнюю кормушку, Оливия вышла из курятника. Зазвонил телефон у нее на поясе. Она достала его из чехла и не узнала номер звонившего.

– Оливия, – сказала она, закрывая дверь.

– Восточное поле еще пригодно для посадки? – спросил мужской голос. Фоном был сильный шум мотора или чего-то еще. Оливия застыла, рука на загородке.

– Простите?

– Можно посадить самолет на восточном поле? – Мужчина пытался перекрыть шум.

– Кто это?

– Эй, это же вы мне позвонили. Я – Коул Макдона.

Ощущение шока.

– Вы *приедете*? Когда?

– Ожидаемое время прибытия – через две минуты, если вы разрешите мне посадку на этом поле.

Восточное поле? Она подняла голову, услышав далекий рокот – шум мотора маленького самолета.

– Вы на самолете?

– Что там с полем?

Проклятье.

– Я не знаю. То есть... что вам нужно для посадки?

– Там когда-то была грунтовая дорога с востока на запад, за стойлами, возле старого амбара. Я сделаю круг в воздухе, посмотрю сверху, что там и как. Могли бы вы добежать туда, отогнать скот, поднять руки и дать мне разрешение на посадку...

– Скота нет. Больше нет.

Но связь прервалась.

Рокот самолета стал громче. Оливия приставила руку козырьком ко лбу. Далеко на горизонте появилась крошечная искра, отражавшая свет садящегося солнца. Сердце Оливии пропустило удар.

– Эйс! Прыгай! Быстро! – Она помогла псу забраться на переднее сиденье, села за руль, включила зажигание, промчалась по изрытой колеями дороге. Из-под колес летели грязь и камни. Проехав загон для скота, она резко свернула направо, на старую грунтовую дорогу, которая шла вверх, к восточному полю. Грузовичок выехал на плато.

Оливия ударила по тормозам и посмотрела на золотистое поле. Трава чуть клонилась на ветру. Оливия не могла представить, как тут можно посадить самолет. Все зависело от экипажа. Те редкие самолеты, которые прилетали на ранчо, были гидросамолетами и садились на озеро.

Оливия опустила стекло, услышала нарастающий шум мотора. Снова приставила ладонь козырьком ко лбу. Крошечный желтый одновинтовой самолет увеличивался в размерах на горизонте. По телу пробежала дрожь напряжения. Оливия вылезла из грузовичка и вышла в поле, чтобы ее было хорошо видно.

* * *

Ванкувер. Пятница.

Почти закат.

Вечеринка в честь выхода Гейджа на пенсию проходила в яхт-клубе, где они – он сам, Мелоди и Тори – раньше держали свои каяки. Поправка. Каяки стояли на своих местах, все три. Семейный комплект. Ждали лета, которого больше никогда не будет. Трудно поверить, что прошло уже полгода после смерти Мелоди. Когда Гейдж вошел в клуб, он ощутил потерю так остро, как будто все случилось накануне.

Зал с окнами от пола до потолка был полон сотрудниками полиции, в основном из отдела убийств. Отсюда можно было полюбоваться видом на яхты в шлюпочной гавани и залив за ней, на который опустился туман. Огни на танкерах в заливе Беррард окружал ореол. За туманом, на другой стороне бухты, возвышались горы, где погибла Мелоди. В ясный день Гейдж видел ту самую гору из своего дома. Эти горы было видно почти из любого места в городе.

Кто-то нанял дуэт музыкантов – флейтиста и скрипача. Ирландские мелодии. И снова Гейдж всем своим существом вспомнил Мелоди, их любовь, медовый месяц в Ирландии.

Выпивки на вечеринке было в изобилии. Было много смеха, болтовни, речей и похлопываний по спине. Но Гейдж не мог избавиться от отстраненности. Прошло сорок восемь часов после того, как он поймал ответ на свою интернет-приманку, и с тех пор больше ничего не

было. Гейдж чувствовал напряжение, голова работала. Если убийца из Уотт-Лейк на свободе, если это он проглотил наживку, то теперь у него есть информация о том, как найти Оливию Уэст.

Начнет ли он действовать?

И как скоро?

Где он теперь? Насколько далеко? Гейдж посмотрел на часы, беспокоясь о Тори. Этот инцидент в школе, склонность к насилию, которую он увидел в своем ребенке, сильно потрясли его. Возможно, было ошибкой оставлять ее дома одну.

«Где ты, Мелоди? Смотришь ли ты вниз, наблюдаешь ли, как я решаю эту шараду? Помоги мне с Тори...»

День клонился к вечеру. Пиво. Закуски. Музыка и голоса становились громче. Веселые улыбающиеся лица, казалось, возникали и исчезали в сознании Гейджа. Люди поздравляли его. С чем, черт подери? С тем, что он вынужден рано выйти в отставку? С тем, что он настолько утратил умственные способности, что это стало проблемой на работе? Что эти люди действительно знали о причинах его выхода на пенсию?

Они подарили ему сделанное вручную нахлыстовое удилище. Он всегда мечтал научиться обращаться с такой снастью. Это было в числе того, чем они с Мелоди планировали заняться: загрузить дом на колесах и объехать континент, когда Тори будет учиться в университете. Чертов список желаний. Гейдж приклеил улыбку к лицу. Он отпускал шуточки.

Хэнк Гонсалес, помощник комиссара, встал и постучал ложкой по бокалу. В зале воцарилась тишина. В тумане раздавались жалобные крики сирен. Дождь барабанил по стеклам, ветер стучал фалами о мачты, натягивал канаты, которыми были привязаны яхты.

– Я имел удовольствие и честь знать Гейджа Бертона с первых дней обучения в военном лагере.

У Гейджа напряглись мышцы на шее. Ублюдок решил воспользоваться случаем, чтобы провести параллели между их карьерами. Любопытно было заметить, что, хотя они начинали вместе, Гонсалес стал самым большим боссом в Е-Дивизии, а Гейдж оставался детективом в отделе убийств.

– Наши с Бертоном карьерные пути пересеклись снова, когда он работал сержантом в Уотт-Лейк, а я был в составе группы, охотившейся на убийцу из Уотт-Лейк, как его тогда называли в средствах массовой информации.

Раздался смех. Люди действительно смеялись.

Кровь стучала у Гейджа в висках. Его пальцы крепче обхватили кружку с пивом. Мэк Якима положил руку ему на предплечье. Гейдж посмотрел на него.

– Твое здоровье, – прошептал Мэк, поднимая свой бокал. – Выпей. И утопи его.

– Будь он проклят, – пробормотал Гейдж сквозь зубы.

– Не обращай внимания.

Гейдж кивнул, но все внутри его сопротивлялось.

Мэк был одним из немногих сотрудников, которые знали, сколько Гейдж бодался с Гонсалесом по поводу того расследования в Уотт-Лейк, и это стоило ему карьеры.

– И вот теперь... – продолжал Гонсалес, поднимая бокал, – круг замкнулся. Мы с Бертоном снова в одном отделе. – Гонсалес улыбнулся. – Это была хорошая гонка. Пью за большого стальноголового лосося на твоей новой удочке, Бертон.

Кто-то стукнул пустой кружкой о стол.

– Речь! Речь!

К стуку кружек присоединились кулаки.

Но стоило Гейджу встать, как одновременно зазвонили несколько телефонов в зале. Он обвел взглядом толпу, когда гости начали отвечать на звонки. Все ребята из ИГРУ⁴.

⁴ Интегрированная группа по расследованию убийств (англ. IHit, Integrated Homicide Investigation Team).

Вызвать интегрированную группу по расследованию убийств могли только по одной причине. Если произошла подозрительная смерть.

Кто-то похлопал комиссара Гонсалеса по плечу. Он нагнул голову, послушал. Потом посмотрел на Гейджа.

– Эй! – Тот поднял обе руки. – Не беспокойтесь. Я никогда не умел произносить речи. Он заставил себя улыбнуться.

Кое-кто из гостей сразу направился к выходу. Другие перед уходом подходили к Гейджу и желали ему всего хорошего. *«Удачи. Рады были тебя видеть. Будь счастлив»*. Они жали ему руку, хлопали по плечу. Но, хотя они улыбались, в их глазах он читал другое. Им было жаль его. Они радовались тому, что это не они выходят на пенсию. Они предвкушали новое дело.

Якима подошел к Бертону.

– Гейдж, приятель, прости. Должен ехать. Мы же еще увидимся?

– По какому поводу тревога, Мэк?

Тот замялся.

– Ой, да ради всего святого, я же еще даже из дверей не вышел.

На лице Мэка появилось странное выражение, и Гейджа охватило леденящее предчувствие. Он крепко вцепился в руку своего друга.

– Скажи мне.

Сержант глотнул, обвел взглядом толпу, как будто он хотел понять, кто мог видеть, что он раскрывает Гейджу тайну.

– Труп, женский. Средних лет. Нашли в Маунт-Карри недалеко от реки Биркенхед.

Маунт-Карри – это земля индейцев. Дорога вела внутрь страны. Туда, где находилось ранчо Броукен-Бар. Убийца из Уотт-Лейк был как-то связан с аборигенами: охота, убийства – все это происходило на землях индейцев.

У Бертона зазвенело в ушах.

На его лице, должно быть, отразилось отчаяние, потому что черные глаза Мэка смягчились от сочувствия.

– Идем, я провожу тебя на улицу и скажу, чтобы Мартинелло отвезла тебя домой.

Они вышли из зала. Капли дождя падали на землю, напоминая занавес из бусин.

– Как лежало тело? – спросил Гейдж.

Лицо Якимы напряглось. Он снова замялся.

– Иисусе, Мэк, – не выдержал Гейдж. – Кусочек информации в честь моей пенсии, пожалуйста!

Тот потер лоб.

– Жертву нашли подвешенной за шею на дереве. Тело выпотрошено, частично освежено.

Сердце Гейджа гулко стучало: *бум, бум, бум*.

– Идем, нечего стоять под дождем. Вон и Мартинелло подъезжает. – Мэк помахал рукой, чтобы женщина-полицейский подъехала поближе.

– Подвешено за шею? Как? На крюк?

Мэк нагнулся к окну автомобиля, когда констебль Джен Мартинелло опустила стекло патрульной полицейской машины.

– Подвезешь Бертона домой?

– Кто ее нашел? – требовательно спросил Гейдж.

Мэк открыл перед ним пассажирскую дверцу.

– Двое детей.

На лице Гейджа выступил пот, смешиваясь с дождем.

– Удостоверение личности при ней было?

– Это все, что я знаю на данный момент.

Мэк ждал, чтобы Гейдж сел в машину.

– Это он, – продолжал тот. – Это его почерк. Крюк. Освежаванное, выпотрошенное тело.

– Себастьян Джордж мертв, Гейдж.

Повисло тяжелое, напряженное молчание. Дождь усилился.

– Что, если мы взяли не того парня, или у него был поделщик?

– Возможно все, что угодно. Это может быть имитатор. Или еще один охотник. – Мэк покровительственно и с жалостью посмотрел на него. Так люди смотрят на тех, у кого болезнь Альцгеймера, или на ребенка, который еще слишком мал, чтобы понять. – Поезжай домой, Гейдж. Выпись хорошенько. Съезди с Тори на рыбалку. Ты ей сейчас нужен. У тебя дочь, о которой нужно думать.

«Ага. Точно. Я должен думать о Тори. Я думаю о ней прямо сейчас. Я хочу поймать этого ублюдка, чтобы сделать этот мир безопаснее...»

– Сержант Бертон! – окликнула его Мартинелло с водительского места. – Вы садитесь?

Гейдж скрипнул зубами, сел на пассажирское сиденье и захлопнул дверцу.

– У меня приятное поручение отвезти вас домой, – сказала Джен, вырываясь с парковки.

Молодая. Типичная женщина-полицейский. Волосы собраны на затылке в тугой «конский хвост». Чистая кожа. Очень мало косметики. Гейдж позавидовал ее возрасту, потенциалу, самоуверенности, свойственной юности.

– Вы в порядке, сэр?

– Да. Можешь ехать быстрее? Сверни налево, так дорога короче.

Он похлопывал рукой по колену.

– Вы уверены, что с вами все в порядке, сэр?

– Мне нужно домой.

Мартинелло бросила на него сердитый взгляд.

Это был он. Он вернулся. Гейдж знал это. Это убийство... Это *точно* он. Он залег на дно на долгие годы, возможно, даже отсидел срок за другое преступление, но он вернулся. Игра началась. Гейдж чувствовал это. Он должен был закончить это дело. Часы тикали.

* * *

Вечер пятницы. Закат.

Ранчо Броукен-Бар.

Коул на своем маленьком двухместном самолете «Пайпер Каб» заложил вираж над бесконечным лесом, то опускающимся, то поднимающимся на холмах, большая часть которого была красно-коричневой и мертвой от жука-короеда. На вырубках скелеты спиленных елей сложили в погребальные костры и готовились сжечь, как только погода станет сырой. По долинам текли серебристые ручьи и реки. Медведь испугался и побежал в укрытие, когда самолет пророкотал над ним.

Коул пролетел над высоким горным хребтом, сформированным древними ледниками, и неожиданно показалось ранчо. У Коула перехватило дыхание при виде аквариумной прозрачной воды и мергельных отмелей озера Броукен-Бар. Дымка поднималась над бурлящей речкой, вытекающей из него, вода падала в узкий скалистый каньон. Коул напрягся – сработала мышечная память. Эта речка была связана с мрачными воспоминаниями. Она изменила все.

Он снова сделал вираж, следуя за гладкими изгибами хребтов, поросших золотистой травой. Среди деревьев в западном конце озера поднимались дымы над кострами. Несколько лодок и буйки качались на воде. Свежие полосы снега покрывали Мраморный хребет. Коула охватило чувство безвременья. Он забыл, какой чистой, красивой и неиспорченной была дикая природа вокруг ранчо.

Он увидел старый хозяйский дом с высокой каминной, маленькие домики среди ольхи и осин, амбар, где он когда-то возился с моторами и заново собрал свой винтажный грузовик. Старые жилища конюхов заросли виноградом, крыши провалились, вокруг них росла высокая трава. У Коула сдавило грудь.

Дом.

Много времени прошло. Во всех отношениях. Коул гадал, можно ли уехать так далеко от дома, чтобы уже не найти дороги назад. Если бы его спросили, он бы сказал, что это место перестало быть настоящим домом с момента несчастного случая. С того момента, когда отец оттолкнул его.

У Коула стеснило грудь.

За прошедшее десятилетие он достаточно часто возвращался в Британскую Колумбию. Они с Холли купили дом в Пембертоне. Потом сдали его, чтобы путешествовать по миру в поисках историй для его книг. Когда возвращались, останавливались в гостинице. Но в Брукен-Бар они не приезжали. Он ни разу не привез сюда Холли и Тая. Коул не испытывал потребности видеть отца после их столкновения тринадцать лет назад.

Коул начал снижаться. Он не обязан надолго задерживаться. Он проверит, как отец, поможет организовать сиделку или хоспис, если это будет необходимо, примет решения, чтобы ранчо продолжало функционировать до того времени, когда Джейн организует продажу. А потом Коул уберется отсюда. Долг будет выполнен.

Ему вдруг бросилось в глаза отсутствие скота. На ранчо не было видно ни одной коровы. Коул увидел ржаво-красный грузовичок, припаркованный на восточном поле. Рядом стояла женщина, ее волосы развевались на ветру. Оливия. Она высоко подняла руку, давая понять, что все чисто.

Самолет пошел вниз.

Глава 6

Оливия напряглась, удерживая волосы так, чтобы они не попадали на лицо: крылья маленького желтого одномоторного самолетика качались от сильного поперечного ветра, и он шел к земле под странным углом.

Толстые шины коснулись грунтовой дороги, подняв тучу пыли. Самолет запрыгал рядом с грузовичком, сзади надулся шелковый конус. Оливия моргнула, когда самолет с громким скрежетом остановился. Его нагнало и окутало облако пыли. Пропеллер замедлил вращение, потом остановился.

Ее охватила тревога.

Дверца кабины открылась.

На землю прыгнул высокий мужчина. Он приветственно поднял руку, потом повернулся и что-то достал из-за кресла пилота. Это была спортивная сумка в военном стиле. Закрыв дверцу, он пригнулся, прошел под крылом и повесил свою ношу на широкое плечо.

Легкой походкой он преодолел расстояние, отделявшее его от Оливии. Его плечи плавно перекачивались. Он был одет в темно-коричневую кожаную куртку, выглядевшую поношенной. Винтаж. Куртка летчика времен Второй мировой войны, с подкладкой и воротником из овечьей шерсти. Джинсы износились... Сапоги были поцарапаны.

Он вызывал в памяти полувоенные формирования. Властный мужик, явный командир.

Ничего удивительного. Коул Макдона писал об альфа-мужчинах. О тех, кто экстремально рисковал. О покорителях высочайших пиков и полюсов. Он шел по дорогам, поднимался в горы, летал в небе. И все же, несмотря на явное осознание мужского превосходства, его проза выдавала сочувственное восприятие мира и прекрасный ум.

При его приближении Эйс залаял.

Пульс у Оливии участился, мелкие нервные мотыльки затрепетали в животе. Она вытерла руки о джинсы, думая обо всех тех негативных эмоциях, которые она направила на него, о его грубости по телефону. При ближайшем рассмотрении, во плоти, так сказать, он был еще великолепнее, еще живее, чем на фотографиях. Мускулистое, загорелое эхо его умирающего отца. Мужчина-гора.

– Вы, должно быть, Оливия. – Он протянул ей руку. – Коул Макдона.

Спина Оливии инстинктивно напряглась. Его пожатие оказалось беззастенчиво твердым. Мозолистые ладони. Теплые руки. Когда их взгляды встретились, по ее телу как будто пробежал электрический разряд. У него были глубоко посаженные глаза под кустистыми бровями, опущенные густыми ресницами. И цвет насыщенный. Но глаза печальные, словно грозовая туча. Сильный подбородок, заросший щетиной. Каштановые волосы взъерошены. Все в этом мужчине излучало мрачную агрессию и власть, и все же в морщинках вокруг глаз и рта притаилась усталость. Загар, казалось, скрывал бледность и изнеможение.

Оливия откашлялась.

– Рада с вами познакомиться, – солгала она, придавая дополнительную твердость своему рукопожатию, заявляя о своем пространстве, о своем месте на этом ранчо. – А это – Эйс. – Она указала на пса, который высунул голову в окно и свесил язык, ожидая приветствия.

Коул задержал ее руку в своей чуть дольше положенного.

– Как мой отец?

Оливия увидела искреннюю тревогу в его глазах. Это ее несколько удивило. Оливия заранее относилась к нему враждебно и предвзято, и вдруг это беспокойство об отце...

– У него сильные боли, – негромко ответила Оливия. – Но он стойчески их переносит. Вы же знаете, каким он может быть... – Она помолчала. – Или, возможно, вы не знаете.

Лицо Коула потемнело. Он отпустил ее руку.

– А вы, как я понимаю, знаете. В конце концов, вы же здесь прожили... Сколько? Целых три года?

Оливия почувствовала, как у нее внутри что-то рефлексивно сжалось.

– Спасибо, что вышли меня встретить, – сказал он, глядя по сторонам. – Вы не подвезете меня до дома?

Голос у него был низкий, бархат поверх гравия. Ее желудок свело. Такой же голос отнял у нее все.

Она перевела взгляд на самолет, вспомнила, с какой легкостью он только что приземлился, заметила толстые шины для тундры и поняла, что Коул Макдона мог посадить свой самолет в любом месте ранчо.

– Вам совершенно не требовалось, чтобы я проверяла место посадки, так? Вы позвонили мне только потому, что вам нужен был шофер.

Его губы чуть изогнулись. Оливия почувствовала прилив раздражения и воспользовалась этим. Это был механизм безопасности. Легче было возвести стены между ними, чем справиться с инстинктивной реакцией на этого красавчика.

– Согласен, мне бы пришлось немного прогуляться. Я не могу посадить эту птичку ближе к дому из-за линии электропередачи и телефонного кабеля. И потом я беспокоился из-за скота.

– Мы больше не держим скот, – сухо ответила Оливия. – Остались только куры и несколько лошадей. Стоило Майрону заболеть, как дела пошли прахом. Гости больше не остаются в большом доме. Весь сезон открыты только коттеджи и кемпинг. Персонал сократили до минимума.

Брови Коула чуть поднялись: он заинтересовался.

Оливия снова посмотрела на самолет.

– С самолетом ничего не случится. Я им займусь позже.

– Хорошо. – Она распахнула водительскую дверцу своего грузовичка и отодвинула Эйса на середину сиденья. – Я вас подвезу, если вы не будете против, что сначала я заеду в кемпинг. Там новые гости, которые должны оплатить пребывание. Мне не удалось встретиться с ними сегодня утром.

– Я бы предпочел отправиться сразу домой.

Оливия застыла, рука – на ручке дверцы.

– После тринадцати лет вы не можете подождать полчаса? – не удержалась она. Слова вырвались сами собой. Он вынудил ее заглотить наживку. Этот мачо прибыл сюда для того, чтобы определить Майрона в хоспис, разделить ранчо и продать его. И вынудить Оливию искать новый дом. Поэтому она провела свою линию на песке.

От Коула исходили волны энергии. Он разглядывал Оливию от макушки до сапог. Впитывал ее. Оливия от неловкости переступила с ноги на ногу, неожиданно осознав свои старые шрамы, скрытые несовершенства. Свой стыд. Свою потребность в дистанции между нею и людьми.

– Оливия, – спокойно заговорил Коул, его голос был глубоким, резонирующим, он обволакивал, словно соблазняющий дым, и она возненавидела его за это. Это пугало Оливию: ее реакция на него, все в этом парне. Он занимал слишком много места, слишком много *ее* пространства.

– Я не знаю, кто вы такая на самом деле, – продолжал Коул, – и какова ваша роль на этом ранчо, и каковы ваши отношения с моим отцом, и почему вы относитесь ко мне с явным предубеждением и неприязнью, но ведь это *вы* позвонили *мне*, помните? Когда вы сказали, что отец умирает, я понял, что дело срочное. Из бара я отправился напрямик в аэропорт, спал в пластиковом кресле, потому что меня долго не могли посадить в самолет. Потом я прилетел в Ванкувер, доехал до Пембертона, забрал свой самолет и сразу прилетел сюда. Транзит занял у меня двадцать четыре часа. Я измотан. И было бы неплохо принять душ. Но я вам уступаю.

Коул забросил свою спортивную сумку в кузов грузовичка. С негромким стуком та приземлилась на сложенные в кузове дрова.

– Согласен, давайте сначала поедem по вашим делам. – Коул обошел кабину, открыл пассажирскую дверцу и сел в машину.

Оливия в шоке открыла рот и прислонилась к кабине. Эйс попытался лизнуть Коула в лицо.

– Что вы имели в виду, когда сказали о моих отношениях с вашим отцом?

– Моя сестра сказала, что вы, возможно, увлечены друг другом.

– *Что?* Неужели вы действительно думаете, что у меня такого рода отношения с вашим отцом?

– Садитесь за руль, Оливия. Я устал.

– Иисусе, – пробормотала она, забираясь в кабину, захлопнула дверцу и повернула ключ зажигания. – Я сначала отвезу вас домой.

– Я бы предпочел, чтобы вы получили наличные с гостей.

– Забудьте об этом. Я лучше отвезу вас.

Она тронула машину с места, нажала на газ. Из-под колес полетела грязь. Машина помчалась вниз с холма, трава царапала раму, руки Оливия крепко вцепились в руль.

– Возможно, если бы вы приезжали время от времени домой, вы бы лучше знали своего отца и не позволили бы себе такие оскорбительные инсинуации. Вы бы *знали*, что для него никогда не существовало ни одной женщины, кроме вашей матери.

– Верно. Я забыл. Моя мать, которая умерла двадцать три года назад. Он так крепко держится за свое горе, что никого к себе не подпускает. Даже своих детей. – Коул закрыл глаза и откинул голову на подголовник. – Рад слышать, что вы пробили брешь в его обороне.

Оливия бросила на него ошеломленный взгляд.

– Я не обязана объясняться с вами, – бросила она. – Я ничего вам не обязана.

Она резко повернула руль и слишком быстро переехала через лежавшую на земле ограду для скота. Грузовик загрохотал, словно пулемет, заставив Коула сесть прямо и выругаться.

* * *

Он украдкой посмотрел на ее профиль. Она была вспыльчивой, но симпатичной. Красивые полные губы крепко сжаты. Густые волосы падают на плечи. Как и на фото на сайте ранчо, она была одета в ковбойском стиле: потертые джинсы, фланелевая рубашка поверх белой футболки, выдавшие виды сапоги. Коул сразу заметил упругую попку и длинные ноги. Да и какой бы мужчина из плоти и крови этого не заметил? Она была стройной и мускулистой, легкий загар подчеркивал ее удивительные зеленые глаза.

Цвет ее глаз заставил Коула вспомнить фото бедуинки, которые Холли сделала для «Нэшнл географик». Он помрачнел, подумав о фотожурналистике, которой занималась Холли. О своей собственной работе. О Судане. О политике.

Сын Холли. Его маленькая семья. Потерянная навсегда.

Коула замутило, и сразу захотелось выпить.

Оливия свернула на главную дорогу, которая вела к дому, потревожив Эйса, съехавшего на Коула. Коул обнял пса, придерживая его, пока они проезжали еще по одному фрагменту поваленной изгороди для скота.

– Все в порядке, парень. Я тебя держу. – Сын Майрона почесал овчарку за ушами.

Оливия посмотрела на него испепеляющим взглядом.

У нее на поясе висел большой охотничий нож, там же находился газовый баллончик от медведей и телефон. Коул решил, что она на многое способна. Обручального кольца не было. Никаких украшений. В памяти всплыли ее слова по телефону.

«Где бы вы ни купались в жалости к самому себе, каждый вечер напиваясь до бесчувствия, это не вернет вам вашу семью. Вы не из тех, кто выживает. Вам это известно?»

В Коуле кипели возмущение и любопытство. Она многое о нем знала. Ей было известно о Холли и Тае. О том времени, которое он провел в барах Гаваны, «купаясь в жалости к самому себе». Узнать это она могла только от его отца. Это значило, что эти двое *были* близки. По крайней мере, до определенной степени. Коул видел перед собой уверенную, деловую и да, очень сексуально привлекательную женщину. Такая женщина могла привлечь стареющего мужчину. Или он не прав? Она не ошибалась в том, что отец всегда ставил жену на пьедестал. Но Коул достаточно давно не видел отца. Все могло измениться.

Он слишком устал, чтобы копаться во всем этом прямо сейчас. Ему нужно было поспать. Поест. Принять горячий душ. И первой встрече с отцом следовало состояться и закончиться как можно быстрее.

Коул опустил стекло и позволил холодному ветру пройти по лицу, поворачиваясь к окну, чтобы посмотреть на поля. Пустые поля, усеянные купами похожих на привидение, белоствольных осин, чьи золотистые листья ветер свободно срывал с веток. Загородки были сломаны. Бывшие домики конюхов стояли с провалившимися крышами. Ласточки стаями взлетали с прогнивших свесов крыш.

Оливия была права. Ранчо обветшало и дошло до печального состояния. Никто не говорил ему, что все настолько плохо. Но почему он ожидал обратного?

Они подъехали к большому дому. Здание тоже выглядело так, будто ему не помешало бы немного заботы: отмыть, заново покрасить ставни. Коул напрягся, когда Оливия затормозила перед просторным крыльцом. Она так резко ударила по тормозам, что Коула мотнуло вперед.

– Приехали, – холодно объявила она. – Судя по всему, вы успели домой к ужину.

Оливия, не глуша двигатель, ждала, пока он выберется из кабины. Ее пальцы вцепились в руль.

И тут Коул внезапно разглядел шрамы на внутренней стороне ее запястий. Они были вспухшими и уходили далеко под рукава. Эта женщина действительно хотела умереть.

Оливия поморщилась, поняв, что он заметил шрамы, потом отвернулась и уставилась в окно.

Коул сглотнул, неожиданно сбитый с толку. Напряжение в кабине было почти осязаемым. Он открыл дверцу, вышел и забрал из кузова свою сумку.

– А вы куда? – спросил Макдона, нагибаясь к дверце. – Разве вы не ужинаете в доме?

– Не сегодня. Я собираюсь поставить грузовик и пойти в свой коттедж.

Оливия отказывалась смотреть на него.

Он закрыл пассажирскую дверь. Оливия тронулась с места, оставив его в клубах пыли.

Коул смотрел ей вслед, и в нем росло любопытство.

Он повесил сумку на плечо и повернулся лицом к дому, чтобы рассмотреть его. Резная фигура медведя по-прежнему стояла на страже у основания лестницы. Старые качели все еще висели на крыльце, но подушки были свежими. В нем забурился коктейль из воспоминаний. Коулу было почти сорок, и все же он волновался как мальчишка перед тем, как войти в дом своего детства. И встретиться лицом к лицу с отцом.

Странно, что жизнь играет такие шутки со взрослым мужчиной. Коул многие годы жил насыщенной жизнью, какое-то время у него была собственная семья. Только он ее потерял. Но во взрослом мужчине всегда живет мальчик. И вместе с этой мыслью пришло ощущение усталости, провала. Как будто прошедшие десятилетия его жизни ничего не значили.

Коул взбежал по ступеням крыльца и вошел в холл, вовремя увернувшись: на ряд внушительных рогов все так же вешали куртки. Голова оленя, того самого, которого его дедушка добыл в болоте Сумас, как обычно, смотрела на людей сверху, со своего места над аркой, веду-

щей в гостиную. Там в камине потрескивал огонь, и Коул почувствовал запах полировки, исходящий от каменных плит пола.

– Коул Макдона! Господь Всемогуший!

Он обернулся на звук голоса и своего детства.

– Миссис Каррик, – с улыбкой сказал Коул. – Вы все еще здесь. И ни капельки не изменились.

– Разумеется, я все еще здесь. И теперь я для вас Адель, молодой человек, – улыбаясь, ответила она, прижимая к груди корзину со сложенным бельем. – Нет, вы только *поглядите* на него.

Она подошла ближе, как будто собиралась поставить корзину на пол и обнять Коула, но сдержалась. Миссис Каррик была не из тех, кто обнимается. Никогда она такой не была.

– Я... понятия не имела, что вы приезжаете. Ваш отец знает?

– Нет еще. Где он?

Экономка пришла в смятение.

– Мистер Макдона сегодня долго спал днем. Он плохо себя чувствовал. Я как раз собиралась разбудить его к ужину.

– Позвольте мне это сделать.

– Ну... возможно, вам следовало бы подождать, пока он оденется и спустится вниз. Полагаю, ему захочется быть в боевой готовности, когда он увидит вас.

– Полагаю, захочется.

Лицо Адели неожиданно покраснело.

– Я имела в виду...

Коул улыбнулся.

– Он по-прежнему в своей спальне?

– Да, в конце коридора на третьем этаже.

Коул пошел вверх, шагая через две ступеньки.

* * *

Тори перевернула еще одну страницу, ощущая болезненное, непристойное любопытство. Ее сердце билось все чаще по мере того, как она читала рукопись матери.

«В первые дни этой зимы она иногда слышала, как под низкими облаками грохотали вертолеты. Это было большее всего – слышать, как они ее ищут, зная, что семья и друзья беспокоятся за нее.

Она знала, что ее будут искать и с собаками. Большие группы волонтеров будут вести поиски. Она гадала, найдут ли они ее упавшую корзинку с ягодами, увидят ли признаки того, что она боролась, когда он надел ей на голову мешок. Она в этом сомневалась. Она никому не сказала, куда пойдет днем. Да и ночью прошел снег. Снегопад не прекращался еще несколько дней. Все следы оказались похороненными глубоко под этим первым плотным, гладким покрывалом сезона.

Потом пришел день, когда наступила тишина. Ее перестали искать. Это была ее новая реальность. Оглушающая зимняя тишина. Темнота. Сара думала, что слышать их – это самое плохое, но она ошиблась. Не слышать оказалось хуже. Они отказались от нее. И одиночество вдруг стало удушающим.

В эти первые дни тишины в ней погас свет. Она перестала ощущать боль, которую он ей причинял, реагировать на то, что ей удавалось увидеть через щели в досках сарая, где он держал ее в оковах и привязанной веревкой к стене. Она не первая, кого он держал на куче вонючих медвежьих шкур и джутовых мешков. Была, по крайней мере, еще одна. Сара видела

ее выпотрошенное тело, подвешенное на крюк на стене соседнего сарая. У трупа были рыжие волосы. Он снял его после замораживания, и она услышала сначала удары топора, а потом и звук пилы. Она гадала, не принадлежит ли тело на крюке рыжеволосой работнице лесничества, пропавшей прошлой осенью?

Она гадала, исчезнет ли еще одна женщина? Убьет ли он перед этим ее, Сару, и повесит ли и ее тело на крюк?

По мере того как день становился короче, она пыталась понять, наступило ли уже Рождество. Попыталась представить, как Этан справляется с делами, как живут ее отец и мать, ее друзья. Приходят ли они в магазин и говорят ли о ней приглушенными печальными голосами?

За долгие месяцы она несколько раз слышала, как высоко пролетал маленький легкомоторный самолет. Она слышала и всем сердцем звала на помощь, молясь о чуде.

А потом кое-что действительно произошло.

Она уже не сомневалась, что носит ребенка. Они с Этаном почти год пытались зачать, и она прошла лечение гормонами. У нее не пришли месячные. Она почувствовала изменения в своем теле и записалась к врачу, чтобы подтвердить беременность. К врачу она так и не попала. Но теперь у нее было доказательство. Ее живот округлился, затвердел. Груды налились и стали чувствительнее, соски потемнели. Осознание этого изменило все. Внутри ее жила частичка Этана.

Она больше не была одна.

В ее животе билось маленькое сердечко. Ребенок. Их ребенок. Она должна жить. Она сделает что угодно ради всего святого или ради всего нечистого, только бы выжить. Она убьет этого ублюдка. Она будет терпеть, когда он станет насиловать ее и причинять боль. Потому что когда она отбивалась и кричала, он возбуждался сильнее и причинял невыносимую боль. Она дождется подходящего момента.

Она не закончит свои дни на этом крюке для мяса...»

Тори подняла страницу рукописи и положила обратной стороной вверх на растущую стопку уже прочитанных. Дождь барабанил по подоконнику. Завывал ветер.

«Она знала, что он скоро заметит ее растущий живот. Ей нужен был план для этого...»

Девочка настолько погрузилась в чтение, была так захвачена миром, придуманным ее матерью, что не обратила внимания на звук машины, въехавшей на подъездную дорожку. Хлопнула входная дверь, и ботинки отца загрохотали по лестнице.

Тори застыла.

– Тори! – раздался его громкий голос. – Где ты?

Девочка попыталась собрать страницы, но они разлетелись по полу.

Дверь в кабинет матери распахнулась, и на пороге появился отец. По лицу Бертона пробежали различные эмоции, когда его взгляд упал на рукопись в руках дочери и на страницы, валяющиеся на ковре.

– Какого... – Он вошел в комнату.

Тори отпрянула, закрывая телом остальные страницы. Лицо отца покраснело. Глаза засверкали. Он выглядел ужасно. Жилы на шее напряглись, кулаки сжались. Впервые в жизни она вдруг испугалась своего отца.

– Какого черта ты здесь делаешь? – Гейдж поднял с пола несколько страниц и свирепо уставился на них.

– Я скучаю по ней, – ответила Тори. – Я хотела побыть среди ее вещей!

– А это что такое? – Отец потянулся, чтобы забрать остаток рукописи из-за ее спины.

Тори резко отодвинула страницы подальше от его руки.

– Нет!

Гейдж занес руку. Его побагровевшее лицо исказилось. В глазах сверкали слезы.

Тори прижалась спиной к стеклу.

– Пожалуйста... не бей меня, папа.

Ее слова как будто вытащили из него затычку. Рот приоткрылся, лицо расслабилось. Он медленно опустил руку и несколько секунд смотрел на Тори так, как будто видел впервые. Потом поник, рухнул рядом с ней на скамью и сильно потер лицо руками.

– Иисусе... Прости, Тори. Прощу тебя, отдай мне эту рукопись. Ты не имеешь права находиться здесь, в ее кабинете.

Но Тори лишь еще дальше отодвинулась от него, вжавшись в угол между стеной и панорамным окном. Она свернулась калачиком вокруг рукописи.

– Это мое, – сказала Тори. – Мама посвятила роман мне. Так написано на самой первой странице. «Посвящается моей дорогой Тори. Эту историю ты прочтешь, когда будешь готова. Я... я... – Она поперхнулась на следующих словах. – Я буду всегда любить тебя».

На лице отца промелькнуло удивление, потом в глазах появилось беспокойство, и черты застыли в новой решимости.

– Мама все правильно написала, Тори. «Для того момента, когда ты будешь готова». Но не теперь.

– *Почему?* – выкрикнула Тори. – Почему не *теперь*?

Отец снова потянулся за страницами. Дочь дернула их к себе в ту секунду, когда его пальцы сжали уголок страницы с посвящением. Она разорвалась. Изломанная линия прошла прямым через их сердца. Они смотрели друг на друга в пульсирующем, наэлектризованном, осязаемом молчании. Это осязаемая метафора жизни разорвалась в их руках, маленькая семья развалилась. И сделали это два человека, которые любили Мелоди больше всего на свете.

Гейдж сглотнул.

– Я тебя *ненавижу*!

– Тори, – мрачно сказал он, – твоя мама над этим работала. Рукопись еще не готова. Она собиралась закончить ее и дать тебе прочесть, когда ты станешь старше.

– Но ведь теперь она ее никогда не закончит, разве не так?

Они снова смотрели друг на друга. В окно бился ветер, по темному стеклу барабанил дождь. Ветки стучали по коньку крыши и царапали его.

– Это книга... для взрослых, – нашелся Гейдж. – Там насилие.

– Я читаю взрослые книги. Я читала и другие мамины книги. Я брала их в библиотеке. Я читала про *секс*. – Тори как будто выплюнула это слово, внутри у нее все дрожало. – А ты как думал? Мне почти двенадцать. Я знаю девочек в школе – им по тринадцать, четырнадцать лет, – они уже *занимались* сексом. Джулия Борсос переспала с Гарланом. Ты знаешь об этом? Ты знаешь, почему я ударила ее по лицу и сожгла ее учебники? Потому что я ее ненавижу, ведь Гарлан был *моим* парнем. И она забрала его себе потому, что она шлюха и может переспать. А я бы не стала. Думаешь, я не понимаю механику секса? И смерти... Я была там, когда умерла мама. Она умерла у *меня* на руках. Я... я не смогла ее вытащить. Я чувствовала, как она борется за жизнь... Это... я виновата.

Глаза у Тори щипало, по щеке поползла слеза.

Отец побледнел. Ветер бросил в стекло еще горсть дождевых капель.

– Тебе лучше отдать эти страницы мне, детка, – сказал он неожиданно севшим голосом, в его глазах заплескались эмоции.

Он осторожно вытащил рукопись из ее пальцев. Она позволила ему это. Тори побоялась снова разозлить его. В ту ужасную минуту, когда она подумала, что он может ее ударить, Тори увидела в его лице ту же напряженность, тот же горячий блеск, ту же черную, ослепляющую

ярость, которая охватила ее, когда она узнала о Джулии и Гарлане. Страшная, пугающая форма насилия, превратившая ее в зверя, над которым у нее не было контроля.

– Спасибо.

– Я вправду тебя ненавижу, – прошептала Тори. Слезы потоком текли по ее щекам. – Ты собирался меня ударить.

Отец протянул к ней руку.

– Иди сюда.

Он обнял ее за плечи и постарался прижать к себе так, как делал это, когда она была маленькой. Дочь отпрянула, попыталась вырваться, но объятие стало только крепче. Он заставил ее принять его крепкие медвежьи объятия и не отпустил ее. Знакомый отцовский запах укрыл ее, пробуждая теплые воспоминания детства. И через несколько мгновений она почувствовала, как ее мышцы сдаются. По телу волной прошло рыдание.

Отец поглаживал Тори по волосам и чуть покачивал, пока она плакала. И опять плакала. Пока у нее не кончились слезы. Тогда она просто прижалась к отцу и почувствовала себя так, как в детстве, когда она нуждалась в своем папе. Когда он мог укротить любое зло в ее мире. Когда она бежала в его объятия, стоило ему вернуться домой со службы, и он поднимал ее к самому потолку и кружил, кружил, кружил, и смеялся.

Тори почувствовала влагу на своем лбу. И она с ужасом поняла, что ее большой папа-полицейский, детектив, ловивший убийц и отправлявший их в тюрьму, мужчина, который защищал ее всю жизнь, плакал. Ему было больно. Он был уязвим.

Внутри у Тори все замерло.

Пожалуй, это было самое пугающее ощущение из всех: она осознала, что ее отец может проиграть. Что он настолько же потерян, как и она.

И болен.

С ним происходило что-то ужасное. Тори слышала, как папа разговаривал по телефону с тетей Лу, но очень боялась спросить его, превратить это в реальность, дать ему понять, что она подслушивала.

– Я тоже скучаю по ней, девочка моя. Господи, как же я по ней скучаю.

Тори крепко закусила губу.

Отец убрал волосы с ее лица, заглянул в глаза.

– Я увезу тебя отсюда, согласна? – прошептал он. – Мы будем вдвоем, только ты и я. Уедем на выходные, на День благодарения. Мы сможем даже поесть индейки. Чтобы у нас остались новые воспоминания об отпуске. Если захотим, мы можем задержаться и дольше. О школе не беспокойся. Снова проведем какое-то время вместе. Уедем из города, прочь от этого дождя. Давай уедем завтра на рассвете, ладно? Я подготовлю грузовик и дом на колесах. – Он откашлялся. – Идем, я покормлю тебя ужином, и ты пойдешь спать. Завтра выезжаем рано. Я здесь все уберу.

– Куда мы поедем?

– На ранчо Броукен-Бар, – пробормотал он ей в волосы.

* * *

Коул тихонько открыл дверь и ступил в комнату отца. Его внимание мгновенно привлекло инвалидное кресло рядом с кроватью. Это был шок. Он понятия не имел, что его отец прикован к инвалидному креслу. Такое унижение не могло не убивать такого человека, как его отец. Человека, ходившего по этой земле, охотившегося в этих лесах, ловившего рыбу в ручьях и реках...

Взгляд Коула переместился на капельницу и баллон с кислородом у стены, потом остановился на фигуре отца в кровати. Тот громко храпел, словно большой медведь, но он пре-

вратился лишь в тень того мужчины, которым когда-то был. Щеки казались ввалившимися и очень морщинистыми. Кожа была грубой и землистой, кустистая борода – неухоженной. На лице блестел пот. Во сне отец выглядел очень уязвимым.

Коул тихонько прошел к окну, из которого были видны озеро и горы в отдалении. Он сунул руки глубоко в карманы, рассматривая пейзаж, и неожиданно почувствовал себя обес-
силенным.

Внизу он заметил Оливию, в одиночестве идущую по траве к ольшанику. В ее походке была заметна некоторая неловкость, что-то вроде хромоты.

За спиной заворочался отец. У Коула зачастил пульс. Он бросил взгляд на дверь спальни, которую оставил слегка приоткрытой. Лучше бы ему уйти, и как можно быстрее, до того, как отец проснется, сохранить его достоинство.

Но когда Коул тихонько пересекал комнату, под его весом скрипнула половица. Коул застыл. Слишком поздно. Глаза отца открылись.

– Кто здесь? Кто это? – Майрон моргал, пытаясь сфокусировать взгляд. – Коул, ты?

– Привет, папа. Да, это я.

Множество эмоций пробежали по лицу старика, от шока до удовольствия и смущения, пока не остался только гнев. Пальцы отца скомкали простыню, когда он попытался сесть в постели.

– Какого черта *ты* здесь делаешь?

– Решил заглянуть, посмотреть, как ты.

Старик постарался сесть так, чтобы облокотиться на спинку кровати. Но как только ему это удалось, он с силой втянул в себя воздух и согнулся от боли. Майрон начал слепо шарить по прикроватной тумбочке, задел, а потом и опрокинул пузырек с лекарствами.

Коул мгновенно метнулся к нему и успел поймать пузырек, не дав свалиться на пол. Он протянул лекарство отцу и попробовал помочь ему сесть.

– Убери от меня свои руки. – Тот оттолкнул сына и снова постарался сесть. – Прибыл проверить свое наследство? Успел по дороге поговорить о продаже с Форбсом?

Узловатыми пальцами он пытался открыть пузырек. Его глаза, когда-то пронзительные, светло-серые, слезились и были налиты кровью.

– Я не...

– Кто это сделал? Кто тебе позвонил? Холлидей?

– Оливия.

– Проклятье. – Майрон отвернулся, потом еще раз попытался открыть пузырек и снова выругался.

– Помочь тебе? – Коул кивком указал на пузырек с таблетками.

– Пошел к чертям. Не нужна мне никакая помощь.

Сердце Коула громко стучало, внутри нарастало напряжение. Он продолжал стоять и смотреть, как отец борется с пузырьком.

– Чего ты здесь стоишь? Что тебе нужно? – спросил Майрон. – Что такого сказала тебе Оливия, что заставило тебя уехать с Кубы?

– Из Флориды. Я был во Флорида-Кис. Она сказала мне, что ты умираешь.

Старик свирепо посмотрел на него. Повисло молчание. Потом он дотянулся до кнопки на стене рядом с его кроватью и ударил по ней кулаком.

– Каррик! Черт подери, где ты, женщина? Поднимись наверх. *Немедленно.*

Ему удалось снять крышку с пузырька. Он вытряс две таблетки и сунул их в рот. Дрожащими руками потянулся к стакану с водой, стоявшему на тумбочке.

Коул протянул ему стакан. Отец застыл, когда их глаза встретились. Сын помог ему выпить воды. Старик закрыл глаза и глубоко дышал, как будто ожидая, что лекарство подействует. Коул прочел этикетку. Сильное обезболивающее.

На лбу Майрона выступил пот. Не открывая глаз, он спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.